

СИБИРИАДА

АЛЕКСЕЙ
ВОРОНКОВ

ЗДЕСЬ
РУССКИЙ
ДУХ...

Сибиряда

Алексей Воронков

Здесь русский дух...

«ВЕЧЕ»

2013

Воронков А. А.

Здесь русский дух... / А. А. Воронков — «ВЕЧЕ»,
2013 — (Сибириада)

Сибирь издавна манила русских людей не только зверем, рыбой и золотыми россыпями. Тысячи обездоленных людей бежали за Уральский Камень, спасаясь от непосильной боярской кабалы. В 1619 году возник первый русский острог на Енисее, а уже в середине XVII века утлые кочи отважных русских мореходов бороздили просторы Тихого океана. В течение нескольких десятков лет спокойствию русского Приамурья никто не угрожал. Но затем с юга появился опасный враг – маньчжуры. Они завоевали большую часть Китая и Монголию, а затем устремили свой взор на север, туда, где на берегах Амура находились первые русские дальневосточные остроги. Главным из них был Албазин, основанный еще в 1650 году известным землепроходцем Ерофеем Хабаровым. Это была знаменитая «амурская казачья вольница», куда стремились попасть многие обездоленные русские люди, ибо там, по рассказам бывалых, не было ни бояр, ни царских законов, и где можно было жить счастливо и привольно. Но все закончилось мгновенно, когда в 1685 году огромное маньчжурское войско подошло к стенам русского острога...

Содержание

Напутственное слово	6
Часть первая	8
Глава первая. Казачья вольница	8
Глава вторая. Старец	13
Глава третья. Опарины	20
Глава четвертая. Богдойский берег	30
Глава пятая. Принцесса	40
Глава шестая. Сборный день	47
Глава седьмая. Темные ночи	59
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Алексей Воронков

Здесь русский дух...

© Воронков А.А., 2013

© ООО «Издательство «Вече», 2013

* * *

Славным нашим прадедам, собирателям земель русских

*Шуми, Амур, шуми, наш батюшка, –
Таежная река.
Гуляй, гуляй, гуляй, безбрежная,
Э-эх, родная на века!..*

Народная песня

*Не волнуйся больше злобами
Завоеванной реки,
Спят под снежными сугробами
Беспробудно казаки.
И поет им память вечную
Диким голосом пурга.
Да беседу бесконечную
О былом ведет тайга...*

Леонид Волков (1870–1900), амурский казачий поэт

Напутственное слово

1601 год... Страшная казнь пала на миллионы людей. Весной небо омрачилось густой тьмой, и дожди беспрестанно лили в течение десяти недель. От этого сельские жители пришли в ужас: ничем не могли заниматься – ни косить, ни жать. 15 августа жестокий мороз вообще повредил как зеленому хлебу, так и всем незрелым плодам. Голод усиливался и наконец достиг крайности, поэтому сейчас нельзя без трепета читать его достоверного описания в преданиях современников. «Свидетельствуюсь истинною и Богом, – пишет один из них, – что я собственными глазами видел в Москве людей, лежа на улицах, подобно скоту, щипали траву и питались ею; у мертвых находили во рту сено». Лошадиное мясо казалось лакомством: ели собак, кошек, падаль, всякую нечистоту. Сами люди сделались хуже зверей: оставляли семейства и жен, лишь бы не делиться с ними последним куском. Не только грабили, убивали за ломоть хлеба, но и пожирали друг друга. Путешественники дико боялись хозяев, и гостиницы стали вертепами убийств – давили, резали сонных для ужасной пищи! Человеческое мясо продавалось в пирогах на рынках! Матери глодали трупы своих младенцев! Злодеев казнили, жгли, кидали в воду, но преступления не уменьшались. Множество населения гибло в неизъяснимых муках голода. Везде шатались полумертвые, которые падали и задыхались на площадях от истощения.

Два года продолжались голод и непогода. Реформы Бориса Годунова с треском рухнули, и вскоре страна впала в знаменитый хаос Смутного времени.

...У многострадальной Руси не было счастливых времен. Вот и новый, семнадцатый век, который мы населили героями романа, явился с великими напастями.

Казалось, страна, вытерпевшая столько при царе Иоанне, должна была отдохнуть, ослабиться. Куда там! Пир, устроенный боярами на радостях после кончины Ивана Васильевича, обернулся несчастьями. Ударили в колокол, а в результате накликали новые беды. Волнения, начавшиеся в народе, оказавшемся без начальника, а значит, неуправляемым, готовы были превратиться в бунт. Только вот никто не мог возглавить это волнение. Приближенным покойного царя было ни до чего – делили власть. Чтобы сократить число охотников до власти, в ночь после смерти царя Ивана служилые люди по чьему-то распоряжению стали хватать всех, кому покойный государь перед своей кончиной оказывал милости, и сажать в тюрьмы, отобрав у них поместья и вотчины в казну и разорив их дома.

После великого, хотя и кровавого правителя на трон сел его слабовольный и тщедушный сын Федор. Вот тогда все-то и закрутилось. Власть, по сути, принадлежала не ему, а кучке князей и бояр, имевших свои виды на трон. В конце концов управление всеми делами в государстве захватил Борис Годунов, потомок татарского мурзы Чета. Последний принял в четырнадцатом веке в Орде крещение от митрополита Петра и поселился на Руси под именем Захарии. Тот построил близ Костромы Ипатьевский монастырь, ставший фамильной святыней его потомков, который они содержали и где их несколько веков хоронили. Фамилия Годунов пошла от внука Захарии Ивана Годуна. Годуновы владели вотчинами, но не играли важной роли в русской истории до тех пор, пока один из правнуков первого Годунова – Борис – не стал шурином царевича Федора Ивановича.

Найдись тогда на Руси крепкая рука – может быть, на ее долю могло выпасть меньше страданий в новом веке. Когда у тела несколько голов – им трудно договориться, а отбоя от желающих править не наблюдалось. Тут обычно в выигрыше тот, кто коварнее, проворнее и хитрее. Таким человеком оказался Годунов, потихоньку расправившийся со своими соперниками. Снова, как при Грозном, Русь залили реки крови.

Короче говоря, в новый век российское государство вступило не обновленным, а погрязшим в сварах, распрях и окруженным со всех сторон врагами. Разумный Годунов все-таки

пытался что-то сделать для сохранения русской государственности, но враги державы, объединившись, уже жгли русские города и села. Им нужна была столь богатая черноземами и недрами земля. Каждый из правителей Европы спал и видел себя на русском троне.

Кто-то смотрел уже дальше. В конце шестнадцатого века английская королева Елизавета в своем письме к Годунову пыталась не только выпросить у него привилегий для своих торговых людей, но и просила разрешения при помощи со стороны русских искать Китайскую землю. В ее планах было добраться до Сибири и Дальнего Востока, попытаться взять русские земли в свое правление или хотя бы для начала использовать их в английских целях. Борис отклонил столь жесткие и принципиальные требования, указав на невозможность искать новые земли, но все-таки дал одной из английских компаний право беспошлинной торговли. О чем он тогда думал, никто не знает, только, видно, Годунов уже понимал, насколько тесно будущее русского государства будет связано с новыми землями, названными Сибирью, где, по слухам, лежала нетронутой плодородная земля, и где хватало других чудес. Скорее всего, Борис осознавал, сколько других монарших особ претендует на эти земли. Значит, их надо опередить.

Только Борису не суждено было прикоснуться к сибирским тайнам. Новый век преподнес ему много сюрпризов, но мысль покорить и освоить дальние сибирские земли не сгорела в пламени войн и розней этого века. Пришел час, и, справившись со смутным временем и восстановив Царский Престол, русский народ дал выход своей духовной силе в укреплении соборного духа во всех областях бытия. Подобное проявилось и в собирании отдаленных земель. Загадочная Восточная Сибирь открывалась для героизма первопроходцев, устремившихся, как говорили в старину, на «встречь солнца». Присоединение и освоение новых земель в суровых и необжитых местах – дело только крепких, сильных духом, терпеливых и смекалистых людей. Разве мало таких рождается на святой Руси?

Часть первая

Глава первая. Казачья вольница

1

...Весь май в тот год природа гуляла ветрами, принося с морей мокроту, пока в начале июня не показалось злое амурское солнце и не обожгло люто землю. Оно выпило влагу с полей, остановило бег ручьев и небольших речушек, повергло ниц поспевавшие тяжелые травы и нивы. Воздух стал сухим, раскаленным и недобрым. В таком нещадном пекле страдали не только люди, но и все живое. Лишь дети, в отличие от взрослых, не замечали адского климата. Загоревшие до угольной черноты, с шелушащимися носами и потрескавшимися белесыми губами, они весь день не вылезали из воды. Звонкое многоголосье слышалось вокруг. Так продолжалось до самого вечера, пока на берегу не появлялись родители и не прогоняли своих заигравшихся чад с реки.

– Васька, марш домой! Не канючь! Обедать не обедал – и от ужина теперь решил отказаться? – заводила какая-нибудь баба.

– Ты, Емелька, чего ждешь? Порки? – А это уже албазинский¹ казак пытается выудить из реки своего мальчика. – Смотри, если не слушаешь отца-мать, послушаешься телячьей шкуры.

Тут же со стороны крепостных стен звучало призывное:

– Манька-а-а! Слышишь меня? Ночь на дворе. Гляди, утащит тебя чужеземец – будешь знать...

Чужеземцев-басурман, а так в крепости называли маньчжуров², дети боялись больше всего на свете. Бывало, увидят на другом берегу спускающихся к реке конников в воинских доспехах, и тут же с криками бросятся врассыпную. Вслед им – хохот, вслед – громкая и непонятная речь. Река не слишком широкая – хорошо все слышно. Страшно! Вдруг враги пришли их, детишек, воровать, а потом продавать в рабство? Так по крайней мере объясняли детворе взрослые каждое появление маньчжуров, пытаясь приучить малышей к бдительности. Дескать, чужие жалости к православным не испытывают. Крещеные бы русских жалели.

Поэтому здешние святые отцы пытались распространить православную веру по всему Амуру. Одна вера приведет к миру, – говорили они. Крестили всех подряд, вообще не разбирая, кто какого рода-племени.

Вот и на Ивана Купалу назначили крестины. На Рождество Иоанна Предтечи никто не работает. Не рубят капусты и не берут в руки косаря, топора, заступа. Лучшего времени не найдешь.

Желающих набралось много, и их даже не смогла вместить ни одна церковь. Поэтому и решили поступить так, как поступил в свое время Иоанн с Иисусом, – крестить всех в реке.

...В день Рождества честного славного пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна с самого раннего утра далеко по берегу разнесся медный звон единственного в Албазине колокола, установленного на колокольне Воскресенской церкви. Народ поспешил в храм. У входа, стоя на высоком крыльце, их уже поджидал облаченный в золоченую ризу³ с епитрахилью⁴ и

¹ Албазин (по-китайски Якса) – казачья станица в Амурской области, на реке Амуре.

² Маньчжуры – тунгусо-маньчжурский народ, коренное население Маньчжурии (в настоящее время – Северо-Восточный Китай).

³ Риза – парчовое, тканное золотой или серебряной нитью одеяние без рукавов, верхнее богослужебное облачение свя-

скуфью⁵ приходской священник, отец Максим Леонтьев. С ним были диакон Иона в мятой длинной рясе и похожий на филина псаломщик Мирошка, одетый в кафтан из грубого и некрашеного крестьянского сукна. Если Леонтьев с Мирошкой гляделись довольно свежо и молодцевато, то Ионина морда походила на пожеванный какой-то тварью сапог. Этот здоровяк буквально засыпал на ногах, и даже не изъявлял желания приветствовать поклоном входящих. Ладно если б это происходило после всенощного бдения, а так любой завидевший Иону мог опознать в нем пьяного.

Впрочем, не он один пьянствовал в ночь, встречая приход Ивана Купалы. Все военное поселение гуляло на берегу, а с ним и монастырские. Спать пошли только с рассветом, поэтому даже колокол, созывавший народ на литургию, не смог разбудить иных гулен. Женщинам-то не привыкать рано вставать – нужно и на обед что-то сытное приготовить, и подобрать подходящие головные уборы. Ведь праздник, а по таким дням положено наряжаться.

Наладив женские дела, слабый пол стал поднимать своих мужей и чад, а те брыкаются и бормочут во сне бессвязные слова. Пришлось кого-то обливать холодной водой, а кого сгонять веником с мягких перин.

Ох и трудно русскому мужику вставать с похмелья! Не зря же в Европе эту мужскую беду кличут не иначе, как «русской болезнью», от которой всякий «прихворнувший» лечится по-своему. Одни снимают похмелье с помощью чесночного или лукового супа, другие – горячей овсяной кашей с кислым молоком, третьи – просто кружкой рассола. Иной придет в себя только после того, как ему на голову выльют ведро ледяной колодезной воды.

Что до казаков, то в таких случаях они обычно с силой брали себя за шкирку и так держали до тех пор, пока не проходила головная боль, а то и прикладывали монетки к глазам и ждали, когда им станет легче.

Накануне старец Гермоген, бывший ярым противником пьянства, позвал к себе в келью атамана.

– Слышал, нынче на берегу собрались жечь костры. Снова будете напиваться и ругаться грязными словами? – сурово произнес пожилой мужчина, нахмутив седые брови.

Никифор улыбнулся на всю ширину своих желтых прокуренных зубов:

– Да, пропустим кружку-другую. Не без того. Купала...

Старец с укором посмотрел на атамана.

– Купала! – передразнил он его. – Да вы, казаки, из всего можете повод для пьянства отыскать. Пьете, пьете – никак насытиться не можете, а только забыли, насколько вино уму не товарищ. Пропьете ведь ум-то, чего тогда? – ворчал старик. – Ладно, празднуйте, но без мордобоя, слышишь меня? Ведь вы не можете по-человечески гулять на праздниках. Обязательно шуму наделаете. Что ж за люди такие, ей-богу! – сокрушенно покачал головой Гермоген, а потом подслеповато глянул на атамана и строгим голосом сказал: – Завтра все должны быть на литургии, ты меня понял? С вас станется. Говорю, нельзя православному человеку идти против церковных правил. Сам не забудь прийти в церковь, – предупредил старец. – Запомни: не с кого-нибудь, а с тебя люди берут пример.

Что и говорить, казаки – народ буйный, особенно в подпитии, но такими уж они, наверное, сотворены. Зато лихие и смелые мужчины!

Никифор твердо пообещал старцу обойтись на этот раз без шума, а если кто-то из его товарищей вздумает махать кулаками, то того он самолично перед всем казацким строем отстекает плетью.

щенника.

⁴ Епитрахиль – принадлежность богослужебного облачения православного священника, длинная лента, огибающая шею и обоими концами спускающаяся на грудь.

⁵ Скуфья – повседневный головной убор православных духовных лиц.

...Вечерело, и на берег Амура высыпал народ. Тут были и албазинские, и из Московского государства, и пришедшие из ближних сел. Молодежь уже загодя натаскала хворост для кострищ. Теперь все ждали только темноты.

Казаки, как водится, гуляли отдельно ото всех. Подобрал по-турецки ноги, они сели кружком на траву, достали кисеты с махоркой и кремни, а потом, попыхивая трубками, стали ждать своего часа. Чуть поодаль расположились их жены и дети. Тут же двое кашеваров готовили тавранчуг – уху из разнорыбицы. Из-под крышки стоявшего на тагане большого медного котла, в котором, побулькивая, варилась уха, вырывались убийственные запахи, вызывая у казаков голодную слюну.

Как только на берегу запылали костры, атаман велел казакам открыть заранее приготовленный бочонок меда, после чего назначенный им прислуживающий по столу наполнил большую атаманскую чашу. Взяв ее в руки, Никифор поднялся с земли. Казаки последовали примеру атамана, готовящегося к речи.

– Братья мои, казаки! Товарищи и боевые друзья! Первый кубок на этом празднике я хочу поднять за нашу родную отчизну. Если не она, то кто тогда мог праздновать Ивана Купалу! А, братцы? За Русь-матушку, – начал Никифор.

– Любо! – дружно грянули казаки, заставив всех находившихся на берегу вздрогнуть.

– Так вот, товарищи мои. Без нашей державы мы вообще ничто, возможно, обыкновенные черви, а потому мы должны как зеницу ока охранять Русь-матушку и беречь от любых врагов, – продолжил атаман.

– Любо! – снова бурно согласились казаки с атамановой правдой.

– Тогда выпьем же, братья, за нашу любимую державу, а еще за вольную волю, без которой нет казака!

– Любо-о! – пронесся мощный казацкий глас над озаренной светом костров рекой, повторяясь эхом где-то в бездонной глубине звездного неба.

2

Покончив с речью, атаман с чувством перекрестился и, сделав жадный глоток, пустил кубок по кругу.

Тут же кашевары разнесли по деревянным чашкам и супным горшкам уху. Достав из-за пояса припасенные для этого случая березовые ложки, казаки сели вокруг большого стола, покрытого расшитой цветами скатертью, на котором покоились приготовленные их женами праздничные яства – фаршированные желудки животных, калачи с чесноком и с маслом, пироги с остатками мяса и рыбы, пельмени с грибной начинкой, лаваша, сладкая редька с патокой, лепешки из пресного теста, – и принялись жадно есть. Глядя на казаков, потянулись за ухой и женщины с ребятишками.

– Еще бы ухи! – первым справившись с горшком супа, попросил Иона.

– Что, святой отец, гляжу, понравилась тебе наша уха-то? – улыбнулся пожилой кашевар Гордейка Промыслов.

– А то!.. – облизывая языком ложку, ответил тот.

– Тогда подставляй посудину, – доброжелательно предложил Промыслов.

– И мне давай, – потянулся со своей чашкой молодой розовощекий казак Мишка, сын убитого маньчжурами в одной из стычек доброго казака Остапа Ворона.

И снова гуляет братина с дешевым алкоголем по кругу.

– Эх, хорошо! – сделав долгий и жадный глоток, блаженным басом заметил диакон Иона и вытер рукавом своей выдавшей виды рясы мокрые от меда губы. Душа у него шире блина на сковородке.

– Господи, прости меня грешного! – перед тем как сделать глоток, покрестился псаломщик Мирошка, замечательно читавший шестопсалмие.

– Пусть не в последний раз, – следом, осенив себя крестным знаменем, припал губами к чашке казак Васюк Дрязгин.

– Нет браги, нет и отваги! – принимая у него из рук чашу, бодро сказал пожилой казак Нил Губавин.

Гуляет, гуляет товарищеская выпивка по кругу. Повеселели казаки, зарумянились. Хмельная кровь заиграла в их жилах.

– Эх, раз, по два раз, расподмахивать горазд, кабы чарочка винца, два бидончика пивца, на закуску пирожка! – пели мужчины застольные.

– Давай, братцы, еще по одной! Нельзя казаку в праздник быть трезвым и болезненным.

Кравчий не успевал наполнять ходившую по кругу кружку атамана, а тут еще и казаки, которым надоело пить с детьми квас, стали подходить со своими бидончиками и стаканчиками. Пот тек ручьем по лицу бедного виночерпия. Уже и рубашка взмокла, и душа запарилась, а казаки все время кричат одно:

– Давай!

Так продолжалось долго, пока казаки не набили свои желудки едой и не покинули стол. Тут же задымили набитые ядреным табачком трубки, начались обычные пьяные речи. Казаки наперебой рассказывали о своих подвигах, где-то стараясь приукрасить отдельные факты, а где-то и приврать. Как говорится, во хмелю – чего хочешь намелю. Кто-то вспоминал лихие походы на турок, другие – на крымского хана, третьи – на шведов. В основном же недобрым словом поминали маньчжуров, которые непрестанно совершали набеги на русские селения, сжигая их дотла и убивая или уводя в плен местных жителей. Маньчжуры хитростью ловко уводят в плен, воруя врасплох людей, потому-то люди и боялись их. «Лучше быть убитым, чем попавшим в плен», – говорили албазинцы.

– Вот неймется бесам! – пьяно возмущался кто-то из казаков.

– Пойдем на них войной, тогда и расквитаемся! – восклицал другой.

– Да нет, братья, война нам не нужна. Нужно сохранить мир на державных границах. Так царю-батюшке угодно, – говорил атаман.

– Если царю угодно, тогда ладно, но надо проучить чужеземцев, – воинственно заявил сидевший возле атамана пожилой казак.

Неожиданно кто-то из казаков запел:

Как у нас на свадьбе
Хмель да дуда-а.
Ду-ду-ду...
Хмель говорит: я с ума всех сведу!
Дубовая бочечка, бочечка, бочечка...
Верчена в ней дырочка, дырочка, дырочка.
Кто вертел, тот потел да потел.
Стенько, ты не потел, да свое проглядел.
Ду-ду-ду-ду-ду-ду-ду.
Тут и другие подхватили знакомую им песню:
Гей, у Дону камышинка заломана.
Старым дидом девка зацелована.
Ду-ду-ду-ду-ду-ду,
Дубова бочечка, бочечка,
Верчена в ней дырочка, дырочка!..

С земли поднялся Игнашка Рогоза. Он тряхнул своими черными кудрями и, топнув ногой, крикнул: «Эх, забодай меня коза! Давай-ка плясовую!» Рогоза запел:

Эх, свинья цыпленка высидела,
Поросеночек яичко снес!

Казаков не надо было долго упрашивать. Мужики тут же вскочили на ноги и, шатаясь, пустились в пляс. Завидев пляшущих мужей и женихов, к ним присоединились бабы с девками. Пошла плясать казачья душа! Долго танцевали, пока, устав, не повалились на траву.

– Что же ты стоишь – наливай! – поднимая над головой стакан, шумел запыхавшийся атаман. – Помянем наших товарищей, сложивших голову на поле битвы.

В который уже раз алкоголь идет по кругу. Потом пили за будущие победы, за родителей, жен и детей, а также за хороший урожай, здоровье и благополучие. В конце казаки так нагулялись и напились, что принялись ругаться, пустив в ход кулаки. Кто там начал первый – теперь никто и не вспомнит. Только били друг другу отчаянно морды, при этом не понимая происходящее. Бабы и девки визжали, глядя на бойню, но поделать ничего не могли. Знали, в таких случаях казаку лучше не попадаться под руку – ненароком убьет. Слава богу, Гермоген всего этого не видел, а то не миновать атаману сурового разговора. Он за все тут в ответе. Тем более, атаман обещал старцу, являвшемуся непререкаемым авторитетом на всем Амуре, следить за порядком. Чего тут поделаешь: во хмелю и во сне человек себе не волен. Тогда какой спрос с казака?..

Берег в это время жил своим бытом. Больше всего, казалось, радовалась празднику молодежь. Ребята, в отличие от взрослых, не стали делиться на стайки. Все – и албазинские, и монастырские, и те, кто пришел из ближних и дальних поселений, – гуляли сообща всю ночь. Пели песни, прыгали через костер, играли в салочки. Когда наступила полночь, девки, следуя давнему обычаю, сняли украшавшие их головы венки из полевых цветов и со словами: «Плыви, веночек, туда, где живет мой суженый, подай ему весть обо мне», – стали опускать их в воду. Парни бежали вслед течению, хватали венки, а потом искали тех, кому они принадлежали.

Иногда, разбившись на парочки, молодые убегали в лес и там упоенно целовались. Так и пролетела ночь, а с рассветом берег опустел, и лишь догоравшие угли в кострах, пустые винные бочки напоминали о недавнем веселье.

Глава вторая. Старец

1

После утренней литургии народ потянулся к реке, где в урочный час должен был начаться обряд. Кто-то решил спуститься поближе к воде, но большинство все же предпочло наблюдать за происходящим с крутого берега, поэтому скоро у крепостной стены, мрачно взиравшей на реку своими пустыми глазницами, собралась большая толпа зевак. Кого только не привело сюда любопытство – и казаков с женами, служилых и ремесленных людей, торговцев, и даже промысловый народ из ближних и дальних тунгусских⁶ поселений и стойбищ. Были и крестьяне из окрестных деревень, из слобод и послений, которые, как и большинство, явились целыми семьями.

По случаю праздника многие бабы и девицы выделились, надев свои лучшие наряды. То здесь, то там мелькали домотканые распашные шерстяные юбки с яркими поясами, юбки с широкой полой орнамента по подолу, сшитые умелой рукой длинные косоклинные девичьи платья, сарафаны с лифом, на кокетке, прямые из льна с малиновыми шерстяными передниками, отделанными шелковыми тесьмой и парчой. Все, как водится, при поясах – кто тканых, кто вязаных, кто плетеных. На головах – платки, кокошники. В общем, здесь наблюдались фасоны со всех уголков Москвы, которые переселенцы привезли с собой в эти далекие и необжитые края.

Мужская половина гляделась не столь ярко, особенно одежда пашенных крестьян. Обыкновенная картина: свитки, полукафтаны с наголовниками из грубого толстого сукна поверх штопанных посконных рубах, такие же штопаные штаны, надетые глубоко на глаза войлочные белые и суконные шапки. Ноги в стоптанной обуви, но чаще в лаптях, подвязанных к икрам веревками, – кто в лыковых, кто в каких других. Одним словом, сиротская беднота. По Руси ходит такая пословица – не будь лапотника, не было бы бархатника, то есть тех же боярина с дворянином.

Совсем иначе выглядел промышленный, торговый и ремесленный народ. На большинстве из них были камзолы или полукафтаны сносного вида с отложными воротниками, сшитые женами полотняные штаны и сапоги, смазанные дегтем.

Что касается разгульной братии, казаков, то у тех свой порядок. Бывшие якутские служивые все безбородые, как тунгусы, в мохнатых шапках, на плечах одежда из оленьих шкур, а то и сюртук, а вместо привычных штанов – тулупы кожей наружу из выделанной оленьей кожи.

Енисейские, шилкинские и родом с Дона и Яика, наоборот, при бородах – на одних длиннополые казацкие зипуны из серого или голубого сукна, на других же, в основном на пешей казацкой братии, форменные халаты. Все в широких шароварах и при саблях, а на ногах – красные сапоги из кожи козы с подковами или более простая обувь. Из-под мохнатых бараньих шапок с червонным верхом бежали струйки липкого пота, поэтому ратные люди то и дело снимали их для проветривания чубов.

В основном речь шла о старых, покрытых глубокими шрамами рубаках, которые не могли жить без ратных подвигов, так как бранные дела служили для них главным смыслом жизни. Рядом с бывалыми крутилась молодая поросьля, чьи подвиги только подразумевались.

Среди всей разношерстной толпы выделялся чернобородый атаман в своем коротком кафтане из красного сукна, подпоясанном узорчатым серебряным поясом, на котором дер-

⁶ Тунгусские улусы – поселения народности, частично связанной с якутами.

жался кривой турецкий ятаган. Его кучерявую цыганскую голову покрывала баранья папаха с золотым верхом.

...Утреннее солнце, стряхнув с небес ночную свежесть, начало потихоньку жечь землю. Становилось жарко, и народ маялся. Кто-то из казаков, не выдержав испытания, уже успел раздеться, сняв с себя или же распахнув жупаны.

Вдоль крепостной стены бегали малыши, играя в салочки. Дымили трубки, наполняя речную свежесть едкими запахами табака. Малые детки плакали на руках молодых матерей, пришедших крестить своих чад. Раньше не отпускало хозяйство. Бывало, привяжут дитя платком к спине – и в поле. Вымотавшись на ниве, идут в свои огороды. Там для них работы хватало. Еще скотина требовала ухода. Не до Бога было. Тут вдруг заговорили о том, что в праздник святого Иоанна Предтечи иеромонах Гермоген надумал устроить крестины на Амуре – вот и хлынул охочий люд к реке, принять, как Иисус, крещение в иордани.

Помимо баб с младенцами наблюдались тунгусы из ближних поселений и стойбищ, а также разноперый бродячий народец, решивший на старости лет приобщиться к Богу. Даже присутствовал один беглый татарин по имени Равилька, который зимой и летом ходил в одном и том же стареньком армяке, сшитом еще дома, в Казани. Мужчина зарезал по злобе сына какого-то тамошнего вельможи и, чтобы не лишиться головы, сбежал в Сибирь.

Впрочем, были и такие, кто, как и прежде, не веря ни в Бога, ни в черта, пришли к реке ради скуки или из-за интереса. Дескать, при деле.

Ожидание начала таинства затягивалось, и народ, еще недавно пребывавший в хорошем расположении духа, занервничал.

– Где же Ермоген? – недовольно ворчала какая-то баба.

– На самом-то деле, чего он вдруг решил нас терзать? – поддержала ее другая.

– Придет наш старец, придет, чего засуетились? Может, он еще в кельице своей молится, – пытался кто-то успокоить самых нетерпеливых.

– Тогда придется долго ждать, – с чувством вздохнув, произнес долговязый безусый казачок. – Пешком три версты пойдет.

– Больше! – усмехнулся кто-то в толпе.

Так оно и было. Монастырь во имя Всемиловейшего Спаса, построенный в 1671 году иеромонахом Гермогеном, находился в четырех верстах выше Албазина по течению Амура, возле устья реки Ульдугичи, в урочище Брусной Камень. В этом скиту и жил, и проповедовал Гермоген. Оттуда же потихоньку растекалась медленными, но упорными волнами на восток и в Китай святая православная вера.

2

Гермоген появился в окружении нескольких монахов и послушников.

Это был невысокий человек с темной бородой на бледном и покрытом глубокими рытвинами изможденном лице человека, вечно пребывающего в постах. На нем была обыкновенная монашеская ряса и старенькая шапочка-скуфья на голове.

Старец прибыл в эти края в 1666 году с отрядом беглых казаков, предводителем которых был некто Микифорка Черниговский. Говорили, тот увез его силком. В подобное можно поверить, зная про лихое прошлое атамана.

По слухам, тот был сыном польского пленного, многие из которых после войны 1612 года так и прижились на чужой стороне. В 1638 году Никифор вместе с другими земляками был послан на Лену, в Усть-Кутский острог, работать надсмотрщиком над соляными источниками.

Так мог и тянуть он эту лямку до конца своих дней, но на его пути неожиданно встретился илимский воевода Лаврентий Обухов, слывший большим охотником до праздничной жизни. Он намеренно приезжал со своими сподручниками в Усть-Кутск, где в основном пьянствовал

и безнаказанно насиловал чужих жен, а сопротивлявшихся просто убивал, как, впрочем, их мужей и братьев, пытавшихся заступиться за несчастных.

В числе пострадавших от произвола воеводы был и служилый илимский человек Никифор Черниговский, у которого Обухов украл красавицу-жену, а затем, надругавшись над ней, зверски убил.

Собрав небольшой отряд из якутских служилых и верхоленских казаков, разгневанный муж решил отомстить воеводе. Когда злодей однажды, возвращаясь с ярмарки, плыл на лодке по Лене, то на него напали, перебив охрану и забрав у Обухова много соболей и триста рублей. Сам же Обухов попытался сбежать, но его догнали на лодке и закололи копьями.

После этого мятежникам ничего не оставалось, как бежать на Амур, где, по рассказам бывалых людей, царили вольные порядки, не было ни злых и безжалостных чиновников, ни тюрем, ни царских указов. Туда со всех уголков Московии стекались обиженные судьбой люди. Шли на Амур, пробираясь по таежным тропам, беглые крестьяне и каторжники, в вместе с ними – испугавшиеся расправы участники всевозможных бунтов и волнений. Шли семьями, а то и деревнями. Был случай, когда целый полк в триста человек из Верхоленска, во главе с казачьим пятидесятником Михайло Сорокиным, даже не получив разрешения, отправился на Амур. Дошло до того, что якутских и сибирских воевод фактически вынудили поставить заставы на дорогах и перехватывать беглецов.

Вновь прибывших в Албазин зачисляли в войско или же отправляли по многочисленным острожкам и заимкам, выраставшим здесь как грибы после дождя. Подобные события произошли после присоединения в середине семнадцатого века амурских земель к русской державе.

При царе Михаиле Федоровиче сурово относились к беглым. Их сажали в тюрьмы, отправляли на каторгу, а то и на плаху. Только вот при Алексее Михайловиче все пошло по-другому. Он не стал препятствовать переселению своих подданных на Амур, увидев здесь разумное начало и выгоду для государства. Недаром Алексея Михайловича так любил народ, называя добрым царем-батюшкой, и даже придумал ему ласковое прозвище – «Тишайший».

Царь только с виду производил впечатление благочестивого и скромного. Государственными делами он управлял принципиально и жестко. При Алексее Михайловиче усилилась центральная власть и оформилось крепостное право. При нем Русь воссоединилась с Украиной, были возвращены захваченные некогда недругами Московии Смоленск и Северская земля. Также подавлены восстания в Москве, Новгороде, Пскове и на Дону. Ко всему прочему, в годы его правления произошел раскол Русской церкви.

Все эти великие дела мало занимали тех, кто искал лучшей доли и спасения от чиновничьего надзора. Одни ради обретения желанной свободы бежали на Дон, другие – на север, а иные нашли другой путь – на Амур.

...Маньчжур, живших за Амуром, такое соседство не устраивало, ведь они сами мечтали о больших завоеваниях. В 1655 году десяти тысячное войско маньчжур попыталось захватить построенное за три года до этого первопроходцем Ерофеем Хабаровым на реке Хумаэрхэ Кумарское поселение, но было разгромлено небольшим отрядом его защитников, предводителем которого числился продолжатель славных дел Хабарова, атаман амурского войска Онуфрий Степанов Кузнец.

Тогда враги перешли к другой тактике – начали насильственное переселение в Маньчжурию коренных народов Приамурья, испокон веков плативших дань азиатам. Сжигая посевы, разрушая и уничтожая их народ, маньчжуры стремились превратить Приамурье в пустыню. Не имея возможности добывать себе продовольствие, русские-де долго не протянут на этой земле.

Пока переселенцы не освоились на новых землях, им приходилось прибегать к помощи живших здесь немногочисленных племен, тех же дауров⁷, с которыми русским удалось тогда

⁷ Дауры – народ, представители которого в настоящее время проживают в северной части Китая.

быстро найти общий язык. Дауры – трудолюбивый народ. Они сеяли ячмень, овес и просо, а также имели большие стада и ездили на волах, лошадях. В отличие от живших выше по Амуру братских и намясинских тунгусов, которые нередко нападали на селенья казаков, уводя у них скот и лошадей, эти, напротив, делились с русскими всем у них имеющимся. Более того, в качестве отличных стрелков из лука дауры часто вставали на сторону казаков, когда тем приходилось отражать нападения кочевников и маньчжуров.

К 1657 году даурские и дючерские⁸ селения были полностью уничтожены. Царевым слугам стало не с кого брать дань натурой и не у кого закупать продовольствие. Пашен пока было мало, хлеба не хватало, и казаки Степанова вынужденно совершали набеги на маньчжурские селения в низовьях Сунгари. В одном из таких походов в июне 1658 года отряд Степанова попал в засаду, а после вообще разбит. Часть его людей сумела прорвать вражеское кольцо и уйти в верховья Амура. Сам же Степанов и двести семьдесят казаков погибли в бою.

Почувыв силу, маньчжуры усилили свои набеги на русские города, выросшие на берегу Амура. Некоторые из них им удалось взять приступом, а затем сжечь и разрушить. Среди этих городов были Албазинский и ближайший к нему Кумарский. Часть оставшихся в живых казаков вынудили вернуться на Лену, остальные ушли к Нерчинску.

На амурских просторах воцарилось безлюдье, и лишь развалины поселений свидетельствовали о наличии когда-то здесь жизни.

Вот таким и увидели Амур Никифор Романович Черниговский и его товарищи, когда они в зиму с 1665 на 1666 год прибыли в эти края. Впрочем, уходить отсюда они не собирались, так как лучшего места для постройки крепости трудно было отыскать. Амур тут делал большую пологую излучину, прижимаясь главными водами к русскому берегу. Вдоль всей излучины стеной высился скалистый берег. На нижнем ее конце, где Амур плавно огибает скалистый выступ, и было решено возвести основные сооружения крепости. Отсюда река хорошо просматривалась во все стороны. Вовсе не случайно в свое время именно здесь люди Хабарова решили возводить свои фортеции.

Думали, вот наладят жизнь, а потом и пашенным делом займутся. Примерная картина была до прихода на Амур, когда люди Хабарова и хлеб растили, и несли службу в низших чинах.

Начали с восстановления подъездных дорог к Албазину. Очищали их от упавших деревьев, строили дороги из бревен через топи, заваливали ямы камнем и землей. Одновременно принялись возводить часовню. Как могут православные существовать без храма? Мудрить с архитектурой не стали и сделали все по-простому. Обыкновенный одноэтажный деревянный сруб на сваях из мореной лиственницы с деревянной колокольней. При часовенке – два дома. Жилище попросторнее – для батюшки, другой – для сторожа. Часовенку нарекли в честь Николая Чудотворца. Позже на территории поселения была возведена Воскресенская церковь с приделами Богородицы Владимирской и Архангела Михаила.

Городок рос на глазах. Укреплялись и его стены, в которых появились две проезжие и три угловые подзорные башни, а также два ряда бойниц для верхнего и нижнего боя, позволявших вести интенсивный огонь по врагу. Не забыли укрепить и подходы. Вокруг крепости был вырыт ров шириной в три сажени и глубиной в полторы. За рвом с двух сторон и в два яруса были вбиты надолбы – стесанные в острый конец бревна.

В поселении помимо двух церквей находилась приказная изба с покрытой тесом крышей, где хранились войсковое камчатное знамя, приходные и расходные книги, челобитные и поручительные казаков, а также войсковая казна. Помимо этого – служебные помещения и четыре жилых двора. Еще пятьдесят три жилых двора располагались за крепостной стеной. Избы в большинстве своем без труб, рубленые, со всеми угодьями, хозяйственными постройками и

⁸ Дючеры – русское название народа, жившего в XVII веке на берегах Амура.

хозяйством снаружи жилья. Внутри – сермяжная простота: горница с волоковым окном, дубовый стол со скамьями, лавка у стены, в углу, как положено, печь.

В 1670 году мирная жизнь для Албазина закончилась, когда, переправившись через Амур, к поселению подошла многотысячная армия маньчжур. Враги попытались взять крепость приступом. Опасность была велика, и в Москву поспешили доложить о поражении Микифорки и его людей. Невероятными усилиями атаману и его казакам удалось выдержать длительную вражескую осаду, поэтому на следующий год старец Гермоген с братией вышли из-под защиты крепостных стен, заложив первый камень в строительство монастыря Всемилоштивейшего Спаса возле Албазина. Его возводили на средства албазинских казаков, а также на мирские подаяния, ходя по миру с иконой.

Возле монастыря вскоре появилась крестьянская слобода в один посад – Монастырщина, построенная гулящими людьми и переселенцами, приписанными к Албазинскому поселению. Село как село – рубленые избы с огородами, плетневые сараи, овины... В черемуховую пору его не увидишь. Глянешь издали – одно сплошное белое облако. На въезде в село стоит обсерг в виде креста, на который какой-то озорник напялил рубаху со штанами. То ли человек, то ли распятый Иисус.

Пашенные крестьяне обрабатывали монастырские земли, разводили скот, лошадей, занимались ремеслами. Следом возникло еще несколько крестьянских селений – ведь народ продолжал прибывать на Амур. Кто-то шел в поисках лучшей доли, кого-то сослали сюда за провинность и посадили на пашню, дав им ссуду – старых лошадей и жеребят, которые ни в соху, ни в борону не годились. Режущая часть их плугов тоже оказалась старой и негодной. Пришлось все покупать у торговцев в долг.

Так как многие были людьми умелыми и работающими, то и земли под Албазином скоро превратились в хлебородные пашни. Уезд стал полностью обеспечивать себя хлебом, а его излишки продавал. Когда же казаки занялись землепашеством, то и вовсе наступила благодать. Сюда за мукой и зерном ехали из Селенгинска, Якутска, Нерчинска и даже с далекого Енисея.

В отстроенном Гермогеном монастыре появились первые иноки, которые зарабатывали себе на пропитание тем, что мололи албазинцам и слободским на двух монастырских мельницах зерно.

Когда на монастырской земле поставили первый скит, сюда из поселения перенесли чудотворные иконы, о которых в народе ходили разные интересные легенды.

Их было три основных – святителя Николая Чудотворца Можайского, Спаса Нерукотворного и икона Божьей Матери «Слово плоть бысть», впоследствии названная чудотворной Албазинской.

Все эти иконы привез в далекий край иеромонах Гермоген. Ранее они находились в Киренском Свято-Троицком монастыре на Лене, основанном старцем. В те времена жило немало благочестивых монахов, искавших в дебрях Сибири безмолвной жизни, а, найдя ее, основывали пустынную обитель, получая звание монастырского строителя. Собиравшаяся к таким пустынникам братия добровольно подчинялась их распоряжениям, и поэтому основатели монастырей фактически служили их настоятелями, хотя и не носили никакого священного сана.

3

Без этих святых икон теперь не обходилось ни одно православное празднество. Вот и сейчас их вынесли из монастыря для совершения таинства крещения.

Впереди праздничной процессии, путаясь в длинной рясе, шел рыжеволосый, долговязый монашек в колпаке, держа в руках икону, именуемую «Слово плоть бысть» с изображе-

нием Богоматери с ребенком в чреве. По обеим сторонам ее лика виднелись два шестикрылых серафима.

Икона с некоторых пор стала символом защиты здешнего казачества в борьбе с врагом. Теперь всякий раз, когда маньчжуры подходили к стенам Албазинской крепости, монахи поднимали святыню высоко над головой и, молясь во славу русской победы, держали ее до тех пор, пока не заканчивалась битва и враг постыдно не отступал.

Вслед за долговязым медленно, с чувством собственной значимости двигался круглолицый безбородый инок, прижимавший к груди икону святителя Николая Чудотворца Можайского. Широкоплечий чернявый молодец нес Спас Нерукотворный. Речь шла о Шандоре, цыганском сыне, сбежавшем из своего родного табора, который кочевал по Сибири с ученым медведем. Однажды в Иркутске он случайно попал на воскресную службу в Благовещенский храм, откуда вышел совершенно другим человеком. Завороженный убранством церкви и всем увиденным во время службы, Шандор решил принять православную веру. Когда же кто-то из святых отцов услышал, как он поет, то молодого человека тут же пригласили в церковный хор. Вопреки воле родных цыганский юноша целиком окунулся в православие и захотел служить диаконом. Позже он называл русских добрыми и светлыми людьми.

Добрых и светлых на пути у цыгана встречалось немало. Первым его наставником стал отец Тихон, служивший настоятелем в одном из иркутских храмов. Тот помогал восемнадцатилетнему Шандору познавать Божьи законы. Еще тогда, когда цыган впервые переступил порог церкви, он осознал свой истинный путь, но постигать все приходилось, конечно, с азов. Юноша не учился в школе, но, взявшись за алфавит, освоил его за три дня – настолько сильна была его тяга к учению.

В таборе не одобрили выбор Шандора. Мать, испугавшись, что сын, став церковным служителем, теперь не женится, а значит, не подарит ей внуков, грозилась свести счеты с жизнью. С большим недоверием к выбору парня отнеслись и его брат с сестрой, а у бабушки даже пропал дар к гаданию. Цыгане пытались выкрасть Шандора и увезти с собой, но не получилось. Так и остался парень при церкви.

Однажды старательного инока заметил старец Гермоген. К тому времени Шандора уже назначили помощником старосты одного из иркутских приходов. Свою работу он исполнял с необыкновенным рвением. Гермоген поговорил с парнем, а потом вдруг предложил ему ехать с ним на реку Лену, где находился основанный Гермогеном Киренский Свято-Троицкий монастырь.

Шандор, послушав речи старца о жизни приленских монахов, загорелся желанием подвергнуть себя новым испытаниям на пути служению Богу. Когда в 1665 году несколько десятков казаков после убийства их предводителем Микифоркой Черниговским илимского воеводы Лаврентия Обухова подняли в Усть-Киренге бунт и отправились на вольный Амур, он безоговорочно последовал за старцем.

Теперь цыган, наверное, один из немногих знающих всю правду о том, почему Гермоген отправился вместе с бунтовщиками. Хотя нет – всю правду он знать не может, даже с таким пытливым умом.

Люди, к примеру, говорили о том, как старца насильно увез с собой атаман на Амур. Шандор же, в свою очередь, помнил нечаянно подслушанный им разговор Гермогена с Хабаровым, которого царь за успешное приведение народов Приамурья в российское подданство наградил званием боярского сына и назначил управителем приленских земель, откуда он несколько лет назад пошел на великий Амур. Говорили мужчины о возможном налаживании духовной жизни в неизведанных, загадочных краях, вроде Приамурья. Нет, старец не смог бы без молитвенной подготовки и упования на промысел Божий уйти в дальние земли. Доказательством тому служили привезенные им на Амур три иконы, ставшие чудотворными святынями.

Слух о насильственном отъезде Гермогена, скорее всего, распространили духовные власти, чтобы обезопасить его и себя от обвинения в сочувствии разбойникам и убийцам.

Глава третья. Опарины

1

Завидев спускающуюся к реке процессию со святыми образами и священными церковными знаменами, вслед за ней бросилась толпа зевак, настоятели обеих албазинских церквей, ожидавшие на берегу Амура, и их помощники как-то разом подобрались и стали ждать появления старца.

Спустившись с кручи и ступив на речной галечник, старец огляделся. От его взгляда не ушла ни одна деталь. Гермоген довольно хмыкнул, завидев большую толпу любопытствующих, принарядившихся по случаю праздника. Больше всего его порадовали люди, смиренно стоявшие у кромки воды. Сняв одежды и оставшись в одном исподнем, они терпеливо ожидали начала таинства. «Да будет так во веки веков, и пусть будет меньше заблудших чад и больше верующих в Господа нашего Бога», – прошелестели тонкие бесцветные губы Гермогена.

На берегу с криком и визгом бегали черные от солнца босоногие казачата.

– Брысь, окаянные! – прикрикнул на них один из послушников.

Старец с укором посмотрел на мужчину:

– Пусть веселятся. Разве сам таким не был?

Немного помедлив и дав возможность стоявшим у кромки воды людям обрести чувство момента, он вдруг негромко произнес:

– Дети мои, хочу вас спросить... Скажите, по доброй ли воле вы пришли сюда? Гнал ли вас кто или вы решили приобщиться к святой вере по зову души и сердца? – Оцепеневший от волнения народ безмолвствовал. Не дождавшись ответа, старец продолжил: – Хочу напомнить вам, братья и сестры, крещение – есть таинство, в котором верующий умирает для жизни плотской, греховной и возрождается от Духа Святого в жизнь духовную, святую. «Если кто не родится от воды и Духа, – сказал Господь, – не может войти в Царство Божие». Крещение водою начал предшественник Христа, которого звали Иоанн. Иоанн крестил с покаянием, призывая людей веровать в Иисуса Христа. Потом Иисус Христос своим примером освятил крещение, приняв его от Иоанна. Наконец, после воскрешения он дал апостолам торжественное повеление: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа». От того, кто желает принять крещение, требуется покаяние и вера... Люди добрые, все ли вы покались пред крещением? – оглядев стоящих перед ним людей, спросил Гермоген.

– Все, батюшка! – вразнобой отвечали ему.

– Ну а вера? Все ли пришли к таинству с верой во Всевышнего? – и снова нестройное: «Да!»

Тогда Гермоген начал читать Символ веры: «Покайтесь и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов, и получите дар Святого Духа». И далее: «Кто будет веровать и креститься, будет спасен...»

Когда он это произнес, сопровождавшие старца иноки стали молитвами, призыванием Святого Духа и крестным знаменем освящать воду.

– Теперь в иордань! – сказал старец и указал пальцем в направлении реки. – И детишек, детишек своих уймите, – обратился Гермоген к молодым бабам в длинных исподних рубашках, на руках которых хныкали разморенные на солнце и голые младенцы. – Давайте, давайте!.. – глядя на то, с какой опаской люди входят в воду, настоятельно потребовал он.

– Эй, народ! Давайте, слушайте старца!.. Да не бойтесь, вас не унесет вода – глядите, какая тишь-то на реке, – пришел на помощь Гермогену дюжий диакон Воскресенской церкви Иона, прозванный казаками Кувалдой за частое и беспорядочное рукоприкладство. Это был

бывший полковой священник, которого тоже прибила к здешнему берегу переселенческая волна. За какие-то недобрые дела ему было запрещено служение и рясоношение, более того, его ждала тюрьма и отлучение от Церкви, но он сбежал и теперь чувствовал себя в безопасности.

Иона прославился пьянством, и перепить его мог едва ли кто из казаков. Разве что Игнашка Рогоза, верный сподручник Черниговского. Человек он вроде на вид хлипкий, но пьет – будь здоров!

Впрочем, не стоит забывать и о других лихих бражниках, которые могли претендовать на роль первых здешних пьяниц. Одни из них еще недавно пили мед и брагу с самим Стенькой Разиным, кочуя где на плоскодонных судах, где на лошадях по бескрайним просторам Московии и грабя всех попадавшихся им под руку. К примеру, Гридя Бык, Иван Шишка по прозвищу Конокрад, Семен Онтонов, Карп Олексин, Фома Волк, Григорий и Леонтий Романовские... Те еще висельники и мошенники, сбежавшие на Амур от государева гнева.

Все же тягаться с Ионой – себе дороже. Иные казаки, чувствуя в себе силу, не раз пытались на спор его перепить, после чего, охая и страдая, сутками отлеживались где-нибудь в тени под телегой, требуя загробным голосом от своих жен холодного кваса, а то и огуречного рассола. Тому хоть бы хны. Бывало, с вечера осилит вместе с товарищами баклагу – добрый бочонок ядреной браги, а утром встанет, сорвет на огороде верхние капустные листья, изжует их – и на службу, на ходу отрывая капустой и отравляя округу своим убийственным перегаром.

Когда кто-то выговаривал Ионе за бесконечное пьянство, мол, побойся Бога – не пей как лошадь, он только смеялся тому в лицо. Дескать, не грози попу церковь, он ею живет! Разве вам не ведомо, что у нас и губка, и растения, и трава, и земля пьют?.. Так почему ж я не могу выпить? Чем я хуже?.. Нечего на меня злиться – я же вам не какая-нибудь там загулявшая стрелецкая жена. Я самый что ни на есть помощник настоятеля церкви, и меня не ругать, а слушать надо, так как я вещаю голосом Бога.

Подобные речи Иона говорил с необыкновенно серьезным и важным видом, после чего склонявшему его к разуму человеку ничего не оставалось, как прикусить язык. С небом небезопасно спорить.

В общем, в отличие от многих своих товарищей, похмельем мужчина не страдал, а вот в пьяном угаре он был страшен. За ночь мог столько дров наломать! Утром встанет как ни в чем не бывало и идет просить у людей прощения. Ничего, прощают.

– Чего встали? Хотя б по грудь зайдите!.. – заметив, как люди, войдя по щиколотку в воду, замерли в нерешительности, снова прогудел Иона. – Не бойтесь, не утопнете... Святое дело – верное.

Молодые матери, а с ними тунгусы и другой разноперый люд покорно двинулись вперед, осторожно ощупывая под ногами каждый камешек и стараясь не споткнуться и не упасть в реку. Теплые водяные струи, забравшись под одежды, ласково коснулись их тел. Сделав несколько шагов, люди снова остановились и повернулись лицом к берегу.

– Все, будет! – помахал им рукой Гермоген, после чего, торжественно перекрестив воду, велел молодым матерям троекратно погрузить своих чад в купель. Следом он заставил окунуться в реку и тунгусов. Многие из них не поняли старца, и тогда на помощь старцу пришел Иона. Приподняв руками длинные полы своего старенького подрясника, он стремительно вошел в реку и стал с головой окунать бедолаг в воду. Те не сопротивлялись, а только кротко глядели на него. Тунгусы видели здесь какие-то тайные принципы.

Гермоген остался доволен, ощущая благодать на душе. Еще целый отряд праведников выйдет сейчас в мир, преисполненным Господней благодати.

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа! – при каждом погружении крестившихся вещал он слабым голосом и при этом осенял их крестным знаменем.

Великий миг торжества! Все замерло вокруг в предчувствии чуда, и даже бегавшие до этого на берегу детки успокоились. Открыв рты, они глядели туда, где, погруженные в воду,

приобщались к вселенскому таинству люди. Замолкли, очарованные происходящим, стоявшие вокруг святых образов зеваки, а также местные жители, не пожелавшие спуститься к воде и теперь взиравшие на все происходящее с высоты крутого обрыва.

2

Больше всех, наверное, в эту минуту был поглощен происходящим войсковой старшина Федька Опарин, высокий светлородый казак в бараньей шапке, надвинутой на самые глаза. Что у него творилось в душе, одному Богу известно, и только глаза выдавали радость.

Матерый казак. Тяжелая рука лежит на красной широкой запояске, из-под которой поблескивает серебряная рукоять пистоля. Расстегнутая пуговица на рубаше демонстрировала его мощную жилистую шею. Лицо скуластое, все в шрамах, а когда он поворачивал голову, в правом ухе блестело золотое османское кольцо с изумрудом. Косая сажень в плечах, Опарин слыл среди здешних казаков лихим рубакой и не последним силачом. По словам людей, он был похож не на человека, а на ветер, и в самом деле Федор удивлял всем своим видом – резким, своенравным и непредсказуемым. Стоя на песчаном и поросшем татарником выступе, Федор Опарин вместе со всеми наслаждался происходящим.

«Молодец, девка!» – глядя на стоящую по грудь в воде тоненькую и гибкую, словно прут лозы, азиатку, державшую на руках младенца, радовался он. Азиатка говорила, ни за что креститься не будет и их общего малыша не покрестит. Нет, все вышло по Федору.

В избытке чувств он сорвал с головы шапку и с размаху ударил ею о землю.

– Вот так, мать вашу!.. – радостно выдохнул казак.

Это была его Сюй Пин, Санька, которую Опарин привез год назад из похода. Причем не одну, а с молоденькой уйгуркой, буквально девочкой-подростком по имени Най-най, тут же ставшей для обитателей крепости Маняшкой. Девочка была Санькиной амой – служанкой, потому как сама Санька оказалась птицей высокого полета. Чуть ли не принцессой. Она являлась дочерью большого военачальника, состоящего в родстве с самим императором Китая. Об этом рассказала казакам служанка, и о том же поведали им посланники китайского губернатора, приезжавшие разыскивать Сюй Пин. Конечно же, никто им не сказал правды. Дескать, никакой маньчжурской пленной в поселении нет, поэтому ищите вашу красавицу в другом месте, но те не поверили. За первыми посланниками последовали и другие, которые тоже ушли ни с чем.

Видно, и впрямь знатная девонька, тогда подумал Федор. Дело приобретало крутой оборот. Маньчжуры не только грозились силою выволочь Саньку, но еще и обещали жаловаться на казаков московскому царю. Опарин, в свою очередь, успев привязаться к красивой маньчжурке, и думать не хотел о возвращении девушки назад.

Наталья, жена Федора, с течением времени поняла, что азиатка останется в их доме. Более того, ее муж Федька, ненасытный кобель, собирается сделать Саньку наложницей. Жена Федора слегла от переживаний. В доме переполох. Сыновья Федора Петр и Тимоха в панике. Мамку одолела чужестранка! Все их отец... Зачем он приютил в доме узкоглазую? Нехорошо, нельзя так себя вести при живой-то жене. Может, взять и прикончить разлучницу? Зачем она воду мутит? Все зло только в ней. Не будет азиатки – тогда мамка встанет на ноги.

– Только посмейте! – подслушав нечаянно разговор братьев, замышлявших убийство его наложницы, грозно предупредил их отец. – Тогда я не посмотрю на родственные связи, а обоим повыдергаю ноги.

Старший восемнадцатилетний Петруха, услышав это, вскипел и даже сгоряча бросился на Федора, но тут же получил такую оплеуху, после которой он долго не мог прийти в себя.

– Я тебе покажу, как на отца руку поднимать! Еще молоко на губах не высохло, а туда же. Лучше побереги силенки для ратных дел, – весь бледный, говорил Федор.

Сыновья у Федора здоровенные – в него пошли. И Петька, и его ровестник Тимофей. Впрочем, пока у хозяина семейства еще хватало сил справляться с молодежью. Старший Опарин вовсе не был стариком, и в прошлом месяце ему стукнуло только сорок пять лет. Дед Федора дожил до девяноста лет, а батька мог тоже дотянуть, но его свалила чума. Тогда в Москву та страшная болезнь пришла с южной стороны. Может, ее завезли купцы, а может, даже какие-то бродяги, вот только тогда вымерло полно народу!

После резкого разговора с Федором его сыновья больше не пытались строить козни азиатке, но в душе не простили ни ей, ни отцу материнских страданий. Глядели на отца исподлобья, и его наложницу не удостоивали ласковым взглядом. С некоторых пор в доме воцарилась неприятная атмосфера. Видя, что так продолжаться долго не может, Федор нанял самых лучших в округе плотников, и те срубили практически по соседству с его избой просторный теремок с резными досками над окнами и на крыше. Место для постройки Опарин выбирал сам. Требовалось построить дом недалеко от крепостных ворот. На случай, если вдруг на горизонте появится враг – тогда меньше времени потребуется, чтобы увести Саньку с Маняшкой под защиту крепостных стен.

Строительный материал для хором не надо было и искать. Тайга, с ее могучими вековыми соснами, лиственницей и березой, находилась прямо перед глазами. Срубленные на корню деревья можно тут же пускать в дело.

Опарин спешил, поэтому строители поначалу решили рубить обычную курную избу, как у многих здешних переселенцев. Обтесанные стволы они укладывали плашмя на «пошву», то есть прямо на землю. Тут Федька вдруг вспомнил, что он строит не для кого-нибудь, а для знатной барыньки, и приказал ставить дом на подклеть, чтобы его жилая часть не зарывалась зимой в снег, а весной не тонула среди луж. Нельзя такой девке жить в простой избе. Нужно было полностью воссоздать городскую атмосферу.

Плотникам было все равно, лишь бы только платили. У Федьки, который в последние годы только и грабил бояр да купцов, деньги были, и поэтому дело шло споро. Терем рос прямо на глазах. Закончив рубить подклеть, где можно было поместить домашний скот и птицу, ремесленные мужики принялись за строительство над нею горниц. Они укладывали бревна «в клеть» – вперекрестку, а углы с выпущенными концами крепили, врубая одно бревно в другое. Бревна должны лежать плотно одно над другим, и между ними прокладывали сухой мох, который мягким пушистым ковром расстилался в тайге прямо под ногами.

На верхний этаж, в красный ярус можно было подняться по лестнице через высокое крылечко, а по накату, сходням спуститься в хозяйственные склады – сени, в которых могли свободно уместиться телега и сани.

Крышу теремка мужики сделали высокой, с отводами для воды, и скатом. Ни снег, ни дождевая вода не должны были на ней задерживаться. Покрывали же гонтом – щепой, отчего та стала похожа на еловую шишку. В итоге теремок, построенный без единого гвоздя, получился крепким, красивым и без щелей.

Когда дом был готов, Опарин заставил плотников вырубить топорами украшения на потолочных балках, на наличниках окон и на широком просторном крыльце. Только после этого он привел сюда молодых азиаток.

Посмотреть на чудо люди шли даже из дальних деревень. Только какой повод для сплетен! Особенно не жалели Федьку женщины. Уж они позубоскалили, уж они поиздевались над человеком! Мол, своей жене таких хоромов не отстроил, а этой, узкоглазой и важной персоне, – пожалуйста! Где ж он только деньги взял? Наверняка всю жизнь воровал, а еще хуже – грабил честной народ.

Мужики, в свою очередь, и не думали осуждать Федьку. Они деловито обошли теремок и похвалили хозяина. Лепо! – сказали. Такому терему и Москва бы позавидовала, а вот им

никогда таких хором не сделать. Сколько соболей нужно продать, чтобы построить такой сказочный чертог?..

После того как строительство было закончено, Опарин стал жить, как говорится, на два дома. День в одном проживет, день – в другом. В принципе ни один из этих домов войсковой старшина не оставлял без куска хлеба. Если, как говорится, взялся за гуж...

...Федька даже кричал от восторга, когда Санька вместе со Степкой в третий раз окунались в реку с головой.

– Ну, молодцом, молодцом! – вырывалось у него из груди.

Вот так, теперь и Санька со Степкой у него крещеные. Значит, они навеки повязаны через русского Бога и с ним. Войсковой старшина более чем одобрял подобные действия.

Будто почуяв его взгляд, азиатка пристально посмотрела в сторону берега, а потом, отыскав глазами Федора, кротко улыбнулась и зарделась румянцем. Даже издали видно. Привыкает, девочка, потихоньку к своему положению, удовлетворенно подумал Федор. Даже лепетать по-русски начала. Поначалу все брыкалась и кричала на него на своем языке, и царапалась, и кусалась. Иногда бросалась на своего хозяина с кинжалом. Прямо дикарка! Федор верил, что в конце концов обломает ей крылья. Не в первый раз ему с пленными наложницами возиться. Когда они с Разиным ходили на Персию, то многие казаки привезли с собой пленных. Среди них тоже присутствовали отчаянные женщины. И дрались, как Санька, и кусались, и с кинжалом на казачков бросались, но со временем свыклись со своей участью, а иные даже сумели полюбить разбойников. У Федора тоже была одна такая, Фарюзой звали. Месяц позабавился с ней, а потом в Самаре обменял ее на бочонок браги.

Последняя – цыганка Дуся. Красавица, но больно дерзкая и взбалмошная. Она родила Федору сына, но, когда он ушел в очередной свой поход, то сбежала от него вместе с ребенком, прихватив с собой все имевшиеся в доме драгоценности. Искать ее Федор не стал. Зачем? У казака своя доля, у цыган своя, и никогда им не быть вместе.

3

Те веселые дни Федор Опарин вспоминает с чувством. Конечно, все тогда плохо кончилось, но зато как погуляли! После этого ни пытки, ни виселица не были страшны казакам. Они умирали с улыбкою на губах, бесстрашно глядя в глаза палачам.

...Внебрачного сына Федор решил назвать Степкой – в честь Степана Тимофеевича Разина, с которым он когда-то ходил разорять боярские гнезда и чуть не поплатился жизнью. Малыш рос живой, шустрый, крупный – в отца. Ему всего от роду четыре месяца, а он уже упорный – кулачком в папу тычет. Мол, подожди, вырасту – всем задам.

Федор – человек суровый, но при виде Степки его душа таяла. Наследник, любимый сын. Не все в поселении понимали веселый настрой старшины, не все разделяли его чувства. Безбожник! – часто слышал Федька за своей спиной. Божьи законы, сукин сын, нарушает. Иисус как говорил? Не прелюбодействуя. А он?

В основном, конечно, его осуждали бабы, жалея Наталью. Всех перехаяли, окаянные, всех расхаяли в пух и прах! – сердился на них в душе Федор. Чего с этими злыднями поделаешь? Бабы и есть бабы. Другое дело – их мужья, которые в большинстве своем на его стороне. Понимали – они на этом свете не святые. Остальные же не осмеливались осуждать его в глаза. Слишком у Федора крутой нрав, а еще темное прошлое. По слухам, с самим разбойником Степкой Разиным этот здоровяк общался. Его б в кандалы заковать, а он, понимаешь, на свободе брагу пьет и над людьми посмеивается. Федор тот еще вор! Похлеще, может, того же Гришки Отрепьева или Ваньки Каина. И, слава богу, люди не знают всех его жизненных «подвигов».

...На Федора вдруг нахлынули воспоминания. Он вспомнил, как они с Натальей крестили своего первенца. Тот, пока шли в церковь, спал на руках матери, а тут вдруг, услышав чужие голоса, завелся. И так плакал, так плакал...

– Успокой, сестра, своего младенца, – сказал Наталье длинный, словно бельевая жердь, дьякон. – Батюшка рассердится.

Федька с Наташкой стали успокаивать малыша, а тем временем дьякон поставил посередине церкви медную купель, рядом положил на столик сосуд для святого масла в форме серебряного ковчега, богослужебную книгу – требник, свечи и белоснежное, вышитое крестами полотенце.

Из алтаря вышел батюшка с длинной лентой – епитрахилью и стал совершать чин оглашения – отказа от власти дьявола. В одной из молитв он назвал младенца новоизбранным воином Христа Бога и молил Господа дать ему ангела-хранителя. Склонившись над ребенком, батюшка трижды подул на него и произнес:

– Избави от него всякого хитрого и нечистого духа, скрытого и находящегося в его сердце.

После этих слов хныкавший Петька вдруг примолк и, как показалось Федору, выразительно посмотрел на священника.

– Его успокоил ангел, – шептала на ухо Федору Наталья.

Батюшка попросил восприемников обратиться лицом к западу и трижды спросил:

– Отрицаете ли вы сатану и его злые дела, а также его ангелов и его гордыню?

Восприемники трижды отвечали:

– Отрицаю!

В знак сочетания с Христом им прочитали Символ веры.

– Теперь приготовьтесь к таинству крещения, – неожиданно шепнул молодым родителям дьякон.

– Погрузи же, Господи, его в вечную жизнь, наполни твоим Святым Духом, – проговорил батюшка.

Крестная мать Авдотья Семеновна, бывшая Наташкина соседка, положила Петьку на скамью и стала освобождать его от одеяла и пеленок. Малыш не издал ни единого звука, и только блаженно улыбался, что-то пытаясь проговорить.

В знак душевной радости над чашеобразной купелью зажгли три свечи и дали по одной свече крестным родителям. Батюшка надел светлую ризу, закрепил на руках серебряные полосы из плотной материи и стал читать молитву о Божьем величии, бесконечной его любви к человеческому роду и пришествии Святого Духа на крещенскую воду.

– Ты, человеколюбец, освяти эту воду!

Батюшка трижды благословил глядевшую на мир голубыми глазами ангелов воду, погрузил в нее пальцы, сложенные для благословения, и три раза подышал на воду, приговаривая:

– Да уйдут под знаменем Твоего креста все чужеродные силы!

Батюшка взял тонкую кисточку – помазок из серебряной мирницы, обмакнул его в священный елей и начертил на воде троекратный крест.

– Благословен Бог, просвещай и освящай всякого человека, идущего в мир!

После, склонившись над Петькой, батюшка стал смазывать его тело крестом.

– Раб Божий Петр смазывается елеем радости, во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Голенького помазанника батюшка взял на руки и погрузил в купель:

– Крестится раб Божий Петр!..

После этого Петьку облачили в белые одежды, повесили на шею крестик на светло-синей ленточке и пропели радостными голосами:

– Дай же мне белые одежды. Одевайся светом, как одеждой!

Потом, кажется, батюшка читал Евангелие о прощальном слове Христа идти в мир и крестить всех людей во имя Его... Произносились церковные моления о милости, жизни, мире, здоровье и духовном спасении новопросвещенного младенца Петра.

– Как пророк Самуил благословил царя Давида на царство, так благослови и голову раба Твоего Петра!

Это были последние слова священника, после чего он сделал постриг младенцу, отдавая его тем самым в руки Божии.

Дома Наталью и Федора уже ждали родители мужа. Накрыли стол, выпили за новоокрещенного, порадовались за него. Вот так хорошо прошел день. Утром – снова дела...

Кажется, это было недавно, а вот уже и сыновья выросли. Теперь надо поднимать, выводить в люди маленького Чингисхана. Ничего, справимся, подумал Опарин.

– Чего, на сына никак не можешь налюбоваться? – усмехнулся стоявший рядом с Федором бывший новгородский стрелец, а ныне знаменщик Васюк Дрязгин. Его спасло только чудо от виселицы после того, как он встал на сторону бунтовщиков, призывавших народ не подчиняться царским указам, а вернуться к порядкам, какие были в Новгородской вечевой республике. Там жилось вольготнее, ведь власть выбирали сами граждане города. – Ты вот скажи мне, друг мой разлюбезный, как теперь жить собираешься? У тебя есть законная жена, а ты... – он покосился на стоящую поодаль Наталью.

– Нечего меня корить, – мельком взглянув на долговязого и узкотелого товарища, недовольно пробурчал Федор. – Детей я вырастил, а если так – теперь могу и душу отвести.

Васюк усмехнулся:

– Будто ты у Стеньки Разина ее не отвел! Гуляли, и вся Русь-матушка сотрясалась. Правду говорю?

Васюк для Федора – первый товарищ в крепости. Они столько вместе натерпелись, прежде чем оказались на Амуре. Считай, всю тайгу прошли от начала до конца в поисках вольного угла.

Дрязгин чуть постарше войскового старшины, но семью до сей поры так и не завел. На вопрос Федора, почему он живет один, отвечал, мол, еще успеется. Хотя куда тянуть? Иные в таком возрасте уже вовсю нянчатся с внуками.

Федор привез тогда семью, считай, в чистое поле. Сердобольные люди поселили их в избушке из соломы. Там же и Васюку нашелся угол. Вставали рано, ложились поздно. Впереди была зима. Семья обустривалась и заготавливала пищу. Сыновья помогали отцу рубить за крепостной стеной избу, тогда как жена Наталья с дочкой Аришкой солили в бочках грибы, собирали ягоды и травы от всяких болезней, шили из шкур, выменянных у тунгусов на бусы и кольца, шубы бурятского покроя и короткую обувь.

– Наталья?.. Ты подумал о ней? – неожиданно и резко спросил товарища Васюк.

– За Наталью не бойся... Я ее в обиду не дам... Она мне все-таки жена, – нахмурил брови Опарин.

– Жена-то жена, да огнем обожжена, – нечаянно подслушав разговор товарищей, сказал неслышно подкравшийся к ним сзади хорунжий⁹ Ефим Верига, пришедший на Амур вместе с отрядом Черниговского.

Он всегда появлялся внезапно. Ходит, будто лиса, говорил о нем Опарин. Станный, мол, человек, и глаза какие-то плутовские. Норов такой!.. Короче, та еще заноза в заднице.

В отличие от Федора, Верига не был богатырского сложения, но отличался поразительной ловкостью. Иногда и местные богатыри бывали им биты. Еще Ефим, как потомственный казак, хорошо владел саблей. Темно-рыжая борода и карие глаза с раскосинкой достались Вериге от турчанки, которую отец, запорожский казак, привез из дальнего похода.

⁹ Хорунжий – здесь: войсковая должность в Запорожской Сечи, входившая в состав старшины.

В Албазине поговаривали, что Ефим неровно дышит к Наталье Опариной, которая к своим годам еще не потеряла былую красоту. Светлая, статная, голубоглазая, с длинной пшеничной косой, как бы нечаянно переброшенной на высокую грудь, она до сих пор привлекала внимание сильного пола. Величавая славянка. Как говорили в народе, пройдет – словно солнцем осветит, а посмотрит – рублем одарит. Бывало, выйдет по воду с коромыслом на плечах, а казаки тут как тут. Смотрят ей вслед и крикают, поправляя не вдруг затопорщившийся ус. Хо-ро-ша!

О влюбленности Ефима Вериги в его законную жену Федор давно догадывался, но не злился на Веригу, понимая супружескую верность Натальи. Поэтому вся история с Ефимовым увлечением лишь тешила мужское самолюбие Опарина.

– Нечего заглядываться, ведь от женщин-то все беды, – предостерегал мужчину Васюк.

Для Федора подобное не ново. Он знал и про баб, и про то, как из-за них устраивают смертельные драки. Тут еще Санька, сама того не ведая, подлила масла в огонь. Ох, не простит ему Ефим любовницу Федора. Как тот просил! Практически на коленки вставал. Мол, у тебя есть и жена, и детки, а у меня никого. Отдай мне девицу. Разве Федор отдаст золото, лежащее у него в руках?

– Так и ты, Ефим, вздумал меня судить? – зло посмотрел на хорунжего Федор.

– Сам как считаешь? – ответил тот. – Таковую красотку променять на узкоглазую азиатку!.. Эх, жаль, не я ее муж...

Федор фыркнул.

– Наши семейные дела – не твоего ума дело, понял? Заведи свою половину – тогда и лай, – жестко ответил мужчина.

У, дьявол, в самое сердце уколол! – скрипнул зубами Ефим. Была у него жена, была! И дети. Только их всех проклятые турки увели в плен. Во времена, когда Верига жил еще за Днепровскими порогами, в Сечи Запорожской, где вместе с товарищами берег христианские веру и земли от пришлых чужеземцев. Он пытался искать своих родненьких, но куда там! Как иголку в стогу сена искать. Турция большая. Там и горы высокие, и пустыни необъятные. Пойди, обойди все. Море переплыть, конечно, можно, а потом куда?.. Он рыскал по горам и пустыням – все напрасно. Будто сквозь землю жена и дети провалились.

– Ну-ну... – как-то нервно подергал за висящую у него в мочке левого уха золотую цыганскую серьгу Верига и отошел в сторону, оставив Федьку с Васюком одних, продолжая подслушивать. Те больше молчали, попыхивая трубками.

4

Обряд крещения завершился, и под пение псалмов, исполняемых монашками и послушниками, старец велел пастве выходить на берег. Люди не сразу откликнулись на его призыв. Они стояли по пояс в воде, не в силах прийти в себя из-за торжества момента. Даже младенцы не плакали на руках своих матерей. Их успокаивала невидимая ласковая рука. Не Божия ли Мать, чей лик блаженно светился в лучах восходящего солнца на одной из святых икон?

Сосредоточившись, люди начали выбираться из воды. Чутьочку растерянные, но просветленные. Мамаши тут же принялись менять у своих чад мокрые пеленки. Часть окрещенных, как и подобает в таких случаях, надели на себя белые длинные рубахи, а остальные, у кого по каким-то причинам таковых не оказалось, обошлись и так.

– Дети мои, теперь послушайте, что я вам скажу, – дождавшись, когда его помощники обнесут всех окрещенных шнурками с медными крестиками, заговорил вдруг Гермоген. – Вы сейчас приобщились к святому таинству и приняли православие. Честь вам и хвала! Пройдут годы, и вся земля, на которой мы с вами стоим, так же как и все люди, населяющие ее, вольются в ряды православного братства. Вы будете первыми, кто понесет свет Господа по этой стороне.

Таково великое предназначение православия. От Востока засияет звезда. В добрый путь, православные! Внуки не забудут вашего духовного подвига.

Данные слова произвели впечатление на людей. И на тех, кто только принял обряд крещения, и на стоящих вокруг зевак. «Во как! Во как! – говорили они. – Выходит, мы несем по земле свет Господа!»

Старец, исполнив службу, уже хотел повернуться и покинуть берег, когда к нему подошел Никифор Черниговский в сопровождении своего сподручника Игнашки Рогозы.

– Отец, благослови, – наклонившись и поцеловав руку старцу, попросил атаман. Тот дотронулся до его лба и осенил крестным знамением.

Никифор расправил плечи. Кряжистый, чернобородый, востроглазый, он немного походил на матерого ястреба, зорко и одновременно недоверчиво глядящего на суровый мир. Чего ему теперь бояться? Царь Алексей Михайлович, в отличие от Ивана Грозного и иных своих предшественников, не желал выдавливать из своих подданных кровь и душу, часто прощая провинившихся. «Лучше слезами, усердием и смирением служить перед Богом, чем силой и надменностью», – говорил царь.

Вот и Никифору повезло. В 1672 году опальный атаман со своими сподвижниками, благодаря их героическим делам на Амуре, был помилован и назначен царским приказным человеком в Албазине, после чего острог первым в Сибири из «воровского» превратился в державный. «Пусть Никифор Черниговский с казаками те рубежи на Амуре-реке сторожит и на тех рубежах стоит насмерть», – приказал он. Незадолго до таких событий «беглого поляка» вместе с главными сообщниками, всего семнадцать человек, приговорили к смертной казни, а сорок шесть остальных человек, приставших к шайке после убийства воеводы, – к отсечению рук и наказанию кнутом. Теперь новый указ...

Никифор даже прослезился, когда ему прочли текст. Он проникся чувством к царю, которого еще недавно поносил самыми дрянными словами. Ему тут же захотелось ратных дел во славу отечества.

Пред тем атаман не больно усердствовал, осознавая отсутствие интереса к его добрым делам в Москве. Он больше бражничал, закатывая по случаю и без такового великие пиры, а еще разбойничал на маньчжурских дорогах, грабя азиатских купцов и устраивая сечу с отрядами попадавших на его пути маньчжуров. Гермоген часто выговаривал атаману за это, когда Никифор возвращался из очередного похода с трофеями. «Не то творишь! Врагов себе наживаешь, а нам друзья на Амуре нужны», – говорил он ему.

Впрочем, будет ли Никифор слушать духовенство! Мол, святой отец, о чем ты говоришь? Мы люди вольные, а про пьянство... Ведь и Господь любил выпить со своими апостолами. Или в Священном Писании не сказано о вине как о возбуждении человеческого духа? «И потере ума», – тут же добавлял старец, для которого вино всегда было лишь высочайшим Таинством Тела и Крови Господней. Гермоген считал, оно заповедано Господом лишь для святого причастия, а не для кокетства и кривлянья.

Атаман лишь горестно вздыхал. Он понимал всю правдивость слов духовного отца, но ничего не мог с собой поделать, ведь сам он – человек пропащий, можно сказать, обыкновенный висельник. Тогда зачем Никифору праведная жизнь, о которой постоянно талдычил ему старец? Мужчина продолжал гулять и разбойничать на дорогах.

«Гордыня в тебе, гордыня сидит. Оттого и все твои напасти. Господь гордым противится, а смиренным дает благодать», – упорно стоял на своем Гермоген.

Теперь вроде все наладилось. Получив царское прощение, атаман стал вникать в дела уезда. Он все чаще навещался в соседние селища, стараясь помочь людям где словом, где делом. Тех же, кто дебоширил или жутко ленился, нещадно бил плетью, а то и сажал в яму на хлеб и воду. Люди не обижались на него. На то и атаман.

Лишь одну слабость оставил Никифор для себя и своих товарищей. Как пили раньше его казачки, так и теперь без браги и горелки никуда. Гермоген как духовное лицо крайне раздражался, злился, а порой даже кричал на Никифора и, вспоминая слова Моисея, обличавшего в своих песнях пьянство, называл ядовитой змеей с Гоморрских полей. Никифор же только спокойно улыбался. «Не кричи, святой старец, не сердись на нас, дураков. Какой казак без буйного веселья?» – спрашивал он старца. Ведь трезвый казак будет похлеще бабы. Тяжкая служба требует праздников, иначе отчаянная душа совсем иссякнет. Поэтому казаки и хлестали спиртное, кроме всего прочего, черпая ярость и силу для будущих подвигов. Гермоген эти слова пропускал мимо ушей, считая пьянство последним и пагубным делом. Напрасно атаман не хотел его слушать, ведь духовный отец пытался его наставить на путь истинный. Только пока не получалось...

...За благословением к старцу стали подходить и другие казаки. «Во имя Отца и Сына и Святого Духа...» – не переставая, шевелились губы Гермогена, старавшегося осенить крестом каждого припадавшего к его руке.

– Солнышко сегодня как бесовская сковорода, – благословив полную казачку, неожиданно произнес Гермоген и вытер рукавом распаренное на солнце потное лицо.

– Да уж!.. – вздохнул Никифор. – Отче, тут ко мне одна мыслишка пришла... – ухватив нужный момент, обратился он к старцу. – Я хочу на будущей неделе свое королевство объехать, прогуляться по здешним поселениям. Скоро зима, вот я и погляжу, как народ к ней готовится. Может, у людей какие-нибудь жалобы или просьбы имеются. Я еще слышал, в некоторых местах вместо постройки жилья и накопления еды люди развлекаются, а то и вовсе пребывают в сплошном пьянстве. Забывают, видно, горемычные, какие тут лютые зимы. Разве проживешь без теплого дома и пищи?

Старец согласно кивнул.

– Хорошее дело задумал, сын мой. Получай мое благословение и ступай себе с Богом, – сказал он. – Дальше сам смотри. Если надо, так и власть примени. Все держится на вере и порядке. Давай, не тушуйся. – Гермоген немного помедлил и вдруг произнес: – От тебя, братец, выпивкой разит. Дико разит! – повторил он и поморщился: – Вижу, хорошо вчера, ироды, погуляли.

– Хорошо, отец. Лучше некуда, – склонив голову, виновато проговорил Никифор.

– Много крови-то было? – заметив, как поникла у того голова, спросил старец. – Вижу, по глазам твоим бесстыжим вижу, и на этот раз без мордобоя не обошлось. Я не прав?

Атаман поморщился.

– Не бери в голову, старче! Ведь никого ж не убили. Какой тогда разговор? – сказал он. – Это, поверь, в последний раз. Больше никаких раздоров у меня в праздники не будет. Не то я...

– Да иди уж, Аника-воин¹⁰! Я как погляжу, на словах ты и так, и сяк, только на деле никак... – махнул рукой Гермоген.

Атаман нахмурился:

– Обижаешь, старче... Я ведь казак, а ты меня с дерьмом смешать хочешь. Заслужил ли я подобное обращение?

Старец хмыкнул:

– Ишь как загоношил! Видать, пробрало. Так помни: живи по слову, да спасешься словом. Говорю тебе – слово закон. Держись за него, как за кол.

¹⁰ Аника-воин – герой русского народного сказания, хвастающийся своими успехами лишь вдалеке от опасности.

Глава четвертая. Богдойский берег

1

Федор тогда одним из первых узнал, что атаман собирается в поход. Вот теперь-то можно и душеньку отвести, подумал мужчина. Как только Никифор выедет за ворота, он возьмет с собой верных товарищей и махнет на маньчжурский берег. Они пойдут по чужим дорогам, нападая на богатые караваны торговцев. Жалованье-то казаки до сей поры делили поровну, но в последнее время кое-что и Москва стала подбрасывать. Это крохи, а у Федора молодая наложница, которую нужно одаривать дорогими подарками. Поди, привыкла в своих дворцах-теремах к роскоши. Атамана же в последнее время будто подменили. Сам не злоупотребляет воровством и другим не дает выходить на «большую дорогу». Хорошо, гульбища не запретил, а то и вовсе можно было от скуки помереть. Казаку вредно скучать, скука разъедает его нутро. Им такие слова еще на Дону говорил любимый атаман, покойный Степан Тимофеев Разин. Еще он говорил: мол, жизнь человечья короткая, поэтому нужно жить во всю прыть.

Федор уже и не помнит, когда в последний раз бывал за Амуром. Хватит, Федька, нагулялся, теперь делом займись, сказал ему Никифор вскоре после того, как Опарин привез в крепость Саньку. Вон, мол, сколько бедноты прибывает, всяких там переселенцев и бродяг – нужно их ратному делу учить. Не ровен час, маньчжуры встанут у стен крепости. Нам воины нужны, а не бродячие псы.

Вот и приходилось Федору весь день коротать в поле, обучая новичков ратному делу. Они занимались скачками на лошадях, рубились на саблях, стреляли из мушкетов и пищалей. Кто был казацкого рода-племени, с теми было легче. Эти с детства к коням и к оружию приучены. Труднее было с деревенщиной и бродягами, которых судьба прибила к далеким берегам. Те никогда не держали в руках ни сабли, ни секиры, разве что ящики для березовых дров, какие есть в каждом хозяйстве. Но ведь и с балтийцами нужно умело обращаться. Федор знает, как такие же упыри, вооруженные топорами и вилами, обращали в бегство целые хорошо вооруженные и обученные армии. Так было во время крестьянской войны Болотникова, а потом и разинского бунта. Все дело за выучкой.

Мысль о прогулке по маньчжурским просторам не оставляла Федора. Годы, проведенные на Дону, не прошли даром. Вольная воля – великая сила, и кто однажды ее вкусил, тот уже некогда не сможет жить иначе.

Вот и Федька теперь не мог жить без воли, без быстрого коня, острой сабли и свиста ветра в ушах. Подними его среди ночи и вели сесть в седло, он тут же про свой сон забудет и понесется неведомой судьбой к новым подвигам и приключениям.

Федор помнит, как возликовала его душа, когда год назад атаман вызвал казака к себе в приказную избу и велел ехать за Амур к азиатским князьям, чтобы уговорить их вернуться со своими людьми на родные пепелища. Скажи им, говорил Никифор, они не должны слушать маньчжур, так как те добру не научат. Пусть возвращаются под крыло русского правителя и пребывают с нами в мире и согласии, а то ведь дурно оставлять могилы своих предков, бросать непаханой землю, превращая леса и поля в сплошную пустошь. Так, мол, и скажи: русские люди щедрые, они со всеми хотят жить душа в душу. Много земель собрали, а кто будет на них хозяйствовать? Живут же вместе с русскими кочевые народы на Волге и Урале – и ничего. Вот и вы, мол, присоединяйтесь к нашей большой семье.

Для похода Федор отобрал самых надежных людей, вместе с которыми ему не раз приходилось вступать в схватку с врагом. Разные пути привели их в этот край. Кто-то бежал сюда, спасая свою шкуру, кто-то пришел за волей, кого-то позвали рассказы о богатом крае.

В большинстве все они бывалые рубаки – мятежные донские казаки, которым, как и Федору, удалось в свое время избежать виселицы и уйти на Амур. Гридя Бык, Иван Шишка, Семен Онтонов, Карп Олексин, Фома Волк, Григорий и Леонтий Романовские... Всего двадцать сабель.

Был погожий сентябрьский денек, когда войсковой старшина во главе отряда казаков переправился с лошадьми через Амур и пошел плутать по незнакомой земле. Когда надоело шататься, нашли в одной ханьской деревушке человека, который знал, где находятся бежавшие из-за Амура азиаты. Он, как потом выяснилось, крайне не любил маньчжур, разорявших города и селения, убивавших людей, не жалея даже женщин, стариков и детей. Фан, а так звали этого невысокого сухонького проводника, сам видел, как маньчжурские воины бросали грудных детишек в огонь, насиловали матерей и уводили в рабство отцов. Поэтому он и хотел помочь элосам – русским, у которых свои счеты с маньчжурами. Достаточно вспомнить разрушение маньчжурами русских крепостей несколько лет назад и полного опустошения земель на левом берегу Амура. Теперь русские вернулись. У них есть пушки и ружья, и им не страшны воины правителя. Азиатам остается только уповать на небо, а собраться в один кулак и изгнать врага со своей земли им пока что не по силам. У маньчжур многотысячная и хорошо вооруженная армия. Одолеть их очень сложно.

Старики говорят, и у них, азиатов, когда-то было свое сильное и могущественное государство – Мин. Власть китайского императора распространялась чуть ли не до самой Африки. Китайские товары – хлопковые ткани, шелк, чай, рис – хорошо расходились по миру. Страна, казалось, процветала, но тут начались войны.

Вначале на север Китая вторглись монгольские полчища Алтан-хана, следом подверглась нападению Япония Корея, бывшая частью империи. Китайцам, развернувшему многомиллионную армию и большой флот, удалось отбросить врага со своих территорий, но империя понесла огромные потери. Тут еще чума, неурожай, голод, унесшие миллионы жизней.

Народ охватило отчаяние. По всей стране прокатились городские и крестьянские восстания. К середине семнадцатого века мятежные режимы возникли во всех уголках империи. Последний император династии Мин, Сы-цзун, покончил с собой, когда в 1644 году в Пекин вошли мятежные войска Ли Цзычэна. Маньчжуры в ответ на просьбу о помощи осажденной династии Мин выдворили из столицы Ли Цзычэна и установили собственную династию – Цин, создав самую великую империю со времен монголов.

С тех пор древний народ уже не хозяева в своей стране, а лишь рабы чужеземного правителя Шэн-цзу. Теперь все главные посты в государстве занимают маньчжуры, и во всех крупных городах и на границах империи стояли маньчжурские военные гарнизоны. Дошло до попыток маньчжур изменить обычаи и заставить китайцев учить свой язык.

2

...Фан поведал о бывших «русских» азиатах, ушедших за Большой Хинган в долину Сунляо. Там, мол, на берегах реки Нонни, их и надо искать.

Фану дали коня, и он повел отряд по своим только ему ведомым тропам. Тишина, и лишь слышно было, как лошади шевелят высокие травы, еще не успевшие пожухнуть, а под их копытами трещат сухие ветки. Глухой край. На десятки верст ни одного селения. Одни только сопки, покрытые монгольским дубняком, густые смешанные леса, перелески и заросли низкорослых кустарников. Иногда в долинах попадались ручьи и небольшие речушки, где всадники могли напоить своих усталых коней.

Впрочем, чем ближе была цель, тем все чаще на их пути стали встречаться мелкие гнезда хижин с пятнами огородов и даже целые деревни. На близость жилья указывали узкие дороги, белой пылью уходившие через поля, рощи, леса и кустарники.

В яркий короткий полдень где-то вдали, словно море, дрожала бледно-сизая дымка. Снова навстречу попадались хижинки с огородами, водоемы для выращивания риса, на которых по колено в грязи копошились какие-то люди. Порой дорогу казакам преграждали огромные, словно серые скалы, волы, неторопливо тянувшие за собой повозки, груженные рисовой соломой.

Чтобы не напороться на маньчжуров, Фан старался избегать наезженных дорог. Их путь постоянно пролегал то через горы и леса, то через заливные луга, а то и болота. Гуськом идти всегда легче, но азиат попросил казаков не идти строем. Служивых это удивило, но только не Федора, знавшего подобные уловки хунхузов – китайских воров, промышлявших грабежами. Двигаясь вразброд, они как раз заматали свои следы, иначе образуется тропинка, которая приведет любого врага к лесным жилищам азиатов. Этот же манер был в ходу у маньчжуров, монголов и крымских татар, совершавших набеги на Русь.

– Ты бандит? – спросил Федор у китайца.

– Нет! – замотал тот головой: мол, он не хунхуз, а просто знает их повадки.

Фан боялся, что какой-нибудь летучий маньчжурский отряд случайно заметит свежую тропу и пустится за ними в погоню, а азиат не хотел умирать, ведь в родном поселении его ждали жена и целая куча детишек. Маньчжуры же обязательно его убьют, если узнают о его найме к русским проводником. Тут и без того жизнь Фана висит на волоске, так как маньчжурский император в своем высочайшем указе запретил китайцам селиться к северу от Великой Китайской стены, но те часто нарушали этот указ, с незамедлительной и неминуемой расправой. Застигнутые врасплох маньчжурскими воинами, китайцы гибли от ударов острых мечей и ядовитых стрел, а на месте их жилищ оставались пепелища.

...Девственная пустыня. Казалось, в этот мир еще ни разу не ступала нога человека, настолько здесь все было свежо и первобытно. Середина сентября, Марфино лето, но природу еще не тронула осенняя седина. Все так же радуют глаз высокие буйные травы, и зеленая осока вокруг озер, и темно-изумрудные барашковые вершины высоких сопок. Хорошо и привольно на душе! Но даже при столь благостном расположении духа глаз казака постоянно блуждал по сторонам, пытаясь углядеть признаки внезапной беды, а его острый слух улавливал каждый посторонний звук.

На пятый день пути, миновав череду перелесков и обойдя стороной бескрайнюю болотную топь, казаки оказались в долине, окруженной с двух сторон высокими горными хребтами.

Вся она до горизонта была покрыта зарослями гаоляна. Опарин знал о большом значении этого злака для китайцев, как для русского пшеница или рожь. Его зерно они перерабатывали в крупу, в муку и спирт, а из соломы делали циновки. Ею же крыли крыши жилищ. Кроме того, гаолян шел на корм скоту. «Чудеса! – дивился Федор. – На носу зима, а урожай до сих пор не убран. Некому заняться?»

Вскоре все прояснилось. Когда казакам удалось выбраться из густых гаоляновых зарослей, их глазам открылась страшная картина. У края поля на взгорке, жалостливо постреливая и источая едкий дымок, догорали угли – остатки от трех десятков бывших деревенских фанз. Здесь же валялись обезображенные трупы людей.

– Маньчжуры!.. Маньчжуры! – указывая на пепелище, со страхом пролепетал Фан.

– Дело рук маньчжуров, – пояснил официальной переводчик Егорша Комар, прибывший не так давно из Иркутского городка, который, по слухам, знал не только китайский, но и многие другие азиатские языки и наречия. Комарша выучился им, прислуживая в доме иркутского ламы.

Фана настолько напугало увиденное, что он не захотел оставаться в страшном месте и, стегнув хворостиной лошадь, помчался прочь.

Снова впереди были леса, овраги и косогоры, усеянные голубыми цветами осенние поля и покрытые кочками, высушенные недавним летним зноем болотца, пока на десятый день пути,

перевалив невысокую сопку, всадники не вышли к какому-то селению. Переехав вброд небольшой ручей, они слезли с лошадей и, взяв их под уздцы, пошли в сторону разбросанных среди деревьев жилищ, всем своим видом показывая, что пришли они с миром. Жители деревушки это, видно, поняли, потому стали без опаски выходить из своих лачуг.

Фан, отыскав глазами Егоршу, что-то быстро пролепетал.

– Азиаты! – перевел тот Опарину.

Навстречу казакам вышел какой-то седовласый человек.

Фан снова что-то пролепетал.

– Князь. Самый главный здесь, – перевел его слова Егорша.

Князь был широкоскулый и малорослый азиат, бороду которому заменяли несколько редких длинных волосинок. Его узкие глаза, похожие на щелочки бойниц, настороженно глядели на мир из-под нависших седых бровей. словно не обращая внимания на теплую погоду, князь вышел к незнакомцам в наброшенной на плечи роскошной и подбитой драгоценными соболями шубе, а также в остроконечном лисьем малахае на голове, какие носили степняки и лесные люди. Видно, так полагалось князю, но, скорее всего, тот хотел показать свою принципиальную важность. Морщинистое лицо князя, украшенное шрамами, походило на старое и истрепанное холодными ветрами боевое знамя. Широкий кинжал с оленьим рогом, заменявшим рукоять, торчал у него за широким поясом.

3

Князь был стар, но, как и всякий пожилой воин, старался держаться молодцом. Мгновенно определив иерархию среди незнакомцев, он молча поприветствовал Федора поднятием руки. Тот в ответ отвесил князю глубокий земной поклон.

Некоторое время старик пристально глядел казаку в глаза, пытаясь проникнуть к нему в душу. О, он знал всю неоднозначность русских, среди которых много плохих людей, способных и обмануть, и ограбить, а то и руку на тебя поднять. Вот и хочется старику осознать истинную природу стоящих перед ним людей.

– Чего ищут русские в чужих землях? – так же пристально глядя Федору в глаза, спросил он. При этом не потребовался даже переводчик, так как князь довольно сносно изъяснялся по-русски.

– Да вот, пришли к вам с добрым словом... Хотим просить ваших собратьев вернуться на родную землю, – подивившись умению князя говорить на чужом ему языке, обнажил в улыбке свои крепкие зубы Опарин.

Князь недоуменно посмотрел на казака, но ничего не сказал, правда, щелки его лисьих глаз еще больше сомкнулись, так, будто он пытался примериться к словам казака. Так длилось несколько мгновений, пока вдруг старик не заговорил:

– По чину ли тебе, чужак, вести такие разговоры? Ведь ты даже не сказал, кто ты таков.

Федор понял, что оплошал.

– Вообще-то я Федор Петров Опарин, но для тебя проще будет называть меня Федька, – поторопился исправить он свою ошибку. – Чин у меня простой. Я личный посланник атамана Черниговского.

Князь покачал головой:

– Не слышал о таком атамане. Поярка знаю, Хабара знаю, а этого нет.

– Так времена меняются! Сейчас Микифорка Черниговский – самый главный человек на Амуре. Он царский приказчик в Албазине, – просветил князя казак. – Говорить я буду от его имени Черниговского, а его слова выражают волю нашего царя-батюшки. – Федор немного помолчал, давая старику возможность переварить его слова. – А ты?.. Ты не даурский князь? –

спросил он старика. Тот сделал важное лицо и кивнул головой. – Вот и славно! – воскликнул казак. – С тобой-то мне и велели говорить.

Появление русских не слишком обрадовало Лавкая, но согласно обычаю он должен был пригласить чужака в свой дом.

Привязав коня к старому вязу, возле которого трое двугорбых верблюдов, а по-азиатски – тэ-тэ, смачно жевали сено, Опарин проследовал за князем.

– Яшка, слышишь?! – напоследок крикнул он своему сподручнику Яшке Попову. – Киргиза на тебя оставляю, и смотри, чтоб детвора к нему под копыта не лезла, – заметив неподалеку стайку черноголовых карапузов, слетевшихся со всех сторон поглазеть на казаков, приказал он. – Не дай бог еще кого зашибет...

Этого статного, рыжего азиатского коня с черной гривой Федор купил у одного цыгана за десять золотых монет, дав в придачу еще и богатую турецкую брошь. Конь оказался с норовом, причем он и теперь недоверчив к людям, хотя нового хозяина признал. Правда, Яшке конь тоже позволял кормить и водить на водопой, а так и лягнуть мог.

...Федор-то думал, князь приведет его в богатый терем, но увидел обыкновенную рубленую избу. Азиаты, пожив в свое время бок о бок с русскими, многому у них научились, в том числе и рубке домов в клеть. До этого большинство из них ютилось в землянках и жалких избах, крытых звериными шкурами, и только самые зажиточные ставили себе войлочные юрты, подобно их монгольским предкам.

В доме князя было несколько комнат с окнами, затянутыми бычьими пузырями, тогда как в соседних избах вместо окон присутствовали дыры, которые хозяева на зиму затыкали всем подряд. Живут как при царе Горохе, усмехнулся старшина. На Руси уже давно ставили в окна слюду, и едва ли не только в самых бедных деревнях пользовались подобными ухищрениями.

Князь ввел Федора и сопровождавшего его переводчика Егоршу Комара в горницу, пол которой был устлан богатым китайским ковром. Здесь же мужчины заметили два небольших окна, сквозь бычью плоть которых скупно пробивался снаружи дневной свет. На ковре – круглый низенький столик, рядом с ним – расшитые золотом атласные подушечки.

Стены тоже в коврах. На одном из них в окружении пистолетов, кинжалов и сабель висели два ружья – дульнозарядная фитильная аркебуза и кремневая фузея. Таким оружием пользовалась и русская армия. Здесь же находился котелок, зимой служивший для подогрева помещения.

Князь усадил гостей за круглый столик, потом сам опустился на ковер и что-то сказал стоявшим у дверей двум молодым вооруженным кинжалами охранникам. Тут же один из них юркнул в проем, и уже скоро в горницу стали по очереди входить княжеские слуги с угощениями. Первым выставили хмельное – глиняный кувшин с араком и к нему три маленькие фарфоровые пиалы. Следом внесли фрукты, вяленое мясо конины, азиатский сыр арсу, восточные сладости, приготовленного на пару сазана. Также поставили большую медную емкость-казан с еще булькающим варевом, видно, только снятым с огня. Тут же помещение наполнилось столь желанным съестным запахом.

– Мне б людей своих накормить, – машинально сглотнув слюну, произнес Федор. – Ты не бойся, князь, у нас есть деньги, – не желая ударить лицом в грязь, произнес он, отстегивая от пояса мешочек с серебром.

Князь остановил казака взмахом руки.

– Спрячь! – сказал он. – У нас не берут денег с гостей. Твоих людей и без того накормят, и о лошадях позаботятся.

Федора слова успокоили азиата, и он с легким сердцем приступил к трапезе. Перед тем как поднять стакан с водкой, он в мыслях послал Отца и Сына и Святого Духа, потом Деву Богородицу. Вслух же пожелал здоровья хозяину дома и его родне. Ели в благоговейном молчании, и только переводчик Егорша нарушал тишину громким чавканьем.

Федора тяготила такая обстановка. За последние вольные годы он привык к бурным дружеским застольям с грубыми и бесстыдными речами, непристойным сквернословием, к смеху за столом, песням и хмельным пляскам. Иногда по пьяни бесчинствовали за игрой в кости, и колотили друг друга, пугая стоящих за их плечами ангелов Божьих, прекрасно помня о Страшном суде, так как бесы записывают их дела и поступки, передавая сатане. «Побойтесь Бога! – не раз повторял Гермоген, когда не мог обуздать казаков, отравленных бесконечной волей. – Когда-то, – говорил он, – иудеи сели в пустыне есть и пить. Объевшись и упившись, они начали веселиться и творить гадости. Тогда их поглотила земля».

Изредка Федор, опрокинув очередной стакан, все же открывал рот для похвалы.

Последним поставили перед гостями байдару – большой глиняный кувшин со слеваном. Этот азиатский напиток успели полюбить уже в Албазине. Дело нехитрое: кирпичный зеленый китайский чай, на крайний случай, разбор черного чая, шелунгу, истолочь в ступе, потом заварить в байдаре кипятком, влить туда кобылье молоко, положить несколько ложек сливочного масла и все посолить по вкусу. Какое-то время напиток «выслевывается», пока не станет темным. Бывает, вместо молока в чай клали сметану или сырые взбитые яйца. Для большой компании такой напиток готовился в деревянных кадушках, куда опускали раскаленные на огне камни, которые русские в шутку называли «жеребчиками».

– Добрый чаек, – отхлебнув из глиняной чашки заварку, похвалил Федор напиток, вызвав у Лавкая довольную улыбку.

Наевшись и отсев от стола, мужчины завели разговор, но сначала Федор спросил разрешения выкурить трубку.

– Ты говоришь, знал нашего Хабары? – заряжая чубук ядреным табачком, спросил он князя.

– Как же, встречались. Хороший воин и душевный человек, – вытерев рукавом халата измазанные бараньим жиром губы, произнес старик.

– Мне не довелось с ним встретиться, хотя и многое слышал о Хабаре, – признался Опарин. – Говорят, недавно помер... Где-то в Сибири, в своей вотчине.

Лавкая такое известие явно огорчило.

– Как помер? – не поверил он. – Он же богатырь... Может, кто отравил? Я слышал, у него в Москве были враги. – Князь вздохнул. – Эх, люди-люди, чего ж им нейдется?..

– Слишком много никчемных людишек на свете развелось, – сказал Федор, доставая из кармана своих широких шаровар огниво. Подкурив, он сделал глубокую затяжку, и на щеках Федора появилась печать блаженства. – Расскажи, князь, как с Хабаром-то познакомился... – выпустив из легких клуб едкого дыма, неожиданно попросил он хозяина.

Князь на мгновение прикрыл глаза, как будто восстанавливая в памяти отдельные эпизоды.

– Хороший человек... Я говорил? – спросил он казака. Получив в ответ утвердительный кивок, продолжил: – Странно, конечно, так говорить о своем заклятом враге.

– Неужели он был твоим врагом? – удивился Опарин. – Чем же он так тебе насолил? Я слышал, он хотел жить с тобой в мире и согласии, а ты убежал к маньчжурам.

Князь покачал головой.

– Ты ничего не знаешь, о, раб белого правителя, – произнес азиат. Разморенный сытной едой, он прилег на подушки, подперев голову рукой. – Мой народ очень маленький. Теперь представь, каково ему было жить в одной клетке с двумя могучими и свирепыми тиграми. Один неверный шаг – тут же попадешь в пасть. Не к тому, так к другому. В таких случаях приходится выбирать себе покровителя. Мы выбрали маньчжуров. Они рядом, у них большое войско. Много, много тысяч воинов – тебе понятно? Что ваша Москва! Она далеко. Ее и с самой высокой горы не увидеть. Можно ли на нее надеяться?

Федор даже поперхнулся, услышав такие слова.

– Глупый ты старик! – не удержавшись, воскликнул он. – Уже почти вся Европа лежит у ног нашего государя, а чего толку от твоих маньчжуров? Мы с нашими пушками такое можем сотворить... Вам мало не покажется!..

Лавкай как-то хитро посмотрел на казака.

– Слово – еще не дело, – усмехнувшись, произнес он. – Вот ты говоришь: пушки... Отчего ж вы тогда сдали маньчурам Албазин, Кумарскую крепость? Я сам видел, как гибли ваши люди, а воины императора жгли и разрушали ваши селения. И ничего твои хваленые пушки не смогли сделать.

Федор нахмурил брови, проговорив:

– Ну, было, но ведь тогда и другое время стояло на дворе. Сегодня Русь уже не та, понимаешь, старик? Скоро на Амур прибудет огромное войско, которое встанет гарнизонами по всей границе. Хотя в принципе надо сначала установить эти пределы. Ты вот, князь, человек бывалый, но и ты не знаешь, где тут есть граница. Так ведь?

– Не знаю, – согласился тот.

– Нужен закон, а тогда будет и порядок. Пока же мы с маньчурами друг к другу безнаказанно гуляем. Ладно б с миром, а так ведь... – Федор вдруг внимательно посмотрел на старика. – Разве ты, княже, не чувствуешь запах пороха? – спросил он его.

– Чую, чую, – кивнул тот. – Если уж русские вернулись на Амур, то обязательно будет война. Еще неизвестно, кто в ней победит. С Хабаровом воевать – иное дело. Храбрый атаман! Жаль, врагами расстались, а то могли еще как подружиться. Ты просил меня рассказать о нем? – неожиданно спросил князь Федора. – Тогда слушай...

4

Лавкай никогда не забудет ту зиму 1652 года. Тогда Ярко Хабаров со своими людьми уже овладел азиатскими крепостями и велел платить дань русскому царю. Те упрямылись и пытались договориться с атаманом, а тот все за свое: покоряйтесь, мол, а не то худо будет. Опять же, где надо, Хабаров применил силу. Многие князья в результате перестали сопротивляться и приняли власть белого царя, но только не Лавкай. Он не хотел ползать под пятой московского правителя. Думал, задобрит Хабару – кто же откажется от дорогих подарков? – и тот оставит его в покое. Вот и повез ему два мешка мягкой рухляди.

– Воро-о-та!.. Эй!.. Гой!.. гой!.. гой! – ранним морозным утром послышался громкий гортанный голос у крепостных стен Ачан-городка.

На высоком земляном валу тут же показался бородатый стрелец в зипуне и островерхой лисьей шапке с тяжелым фитильным мушкетом в руках.

– Кто такие? Чего надо? – сонно спросил он.

Разглядев внизу пару саней, запряженных по две лохматых лошади гуськом, стрелец снова спросил:

– Говорю, кто такие и с чем прибыли?

– Открывай же, русский! Большой князь едет. Поговорит с атаманом Хабаровом, напишет грамоту, разберутся с данью, – послышалось в ответ.

Стрелец понял, что это за люди. Почесал заиндевелую бороду, пробурчал недовольно что-то себе под нос и пошел отворять ворота. Заскрипели полозья, и вот уже в клубах потного пара, шедшего от лошадей, в крепость въехали сани. Впереди их бежал посыльный, доложить атаману о прибытии гостей.

Ерофей находился в приказной избе. Он славно позавтракал и теперь пребывал в хорошем расположении духа. Усевшись за большой, сбитый из струганных сосновых досок стол, служивший одновременно и для обедов, и для казенной работы, Ерофей стал писать письмо якутскому воеводе. Подобную процедуру мужчина совершал часто. Он хотел держать началь-

ство в курсе всех своих дел. Время от времени Ерофей брал в руки стоящий перед ним кубок с брагой и делал небольшой глоток. Брага была крепкой, круто заправленной лесными травами, и атаман довольно побрякивал.

Поодаль от него, у затянутого бычьим пузырем окна стояла молодая девица Фрося, служившая при атамане кухаркой, и серыми влюбленными глазами смотрела на хозяина. Широкоплечий и осанистый, с рыжей курчавой бородой, он выглядел моложе своих сорока двух лет. Может, порода такая, а может, все дело в сибирском морозе, который не дает состариться. Люб, ох и люб был Ерофей Фроське. Только все пустое. Разве мог он низойти до нее, дочери простого ленского плотогона? Да и жена у него где-то там, в Сибири, имелась, а Фроську он считал почти ребенком, шутя называл дочкой.

– Сам Лавкай с ними прибыл, атаманушка! – сообщив Хабарову о прибытии гостей, добавил вбежавший в приказную избу караульный.

– Так веди его ко мне! – приказал атаман. – Буду рад принять такого высокого гостя.

«Может, опомнился князь, и по примеру других азиатских правителей тоже решил принять власть нашего царя? – подумал он. – Больно Лавкай упрямый. Быком уперся – и с места не сдвинешь. Ничего не боится – ни угроз атамановых, ни царского окрика. Лучше умру, говорит, чем покорюсь вам, проклятым русским...»

Вскоре тяжелая сосновая дверь вновь отворилась, и в избу вместе с клубами морозного воздуха ворвался чужой дух, то есть Лавкай, явившийся в сопровождении двух молодых сподручников.

– Здорово, князь! – вставая с широкой березовой скамьи, поприветствовал его Ерофей и отвесил правителю земной поклон. – Давненько мы с тобой не виделись...

– Да как же? На прошлой неделе, – приложив правую руку к сердцу и чуть склонив голову, произнес князь. Он уже давно жил рядом с русскими и потихоньку выучил их язык. Правда, порой ему не хватало чужих слов, и тогда он пытался все объяснить жестами.

«Он прав, хитрый лис», – подумал атаман. На прошлой неделе они случайно встретились на лесной тропе, когда Ерофей с отрядом казаков на лошадях возвращались из Кумарского острога. Князь тоже был не один, а с небольшой конной дружиной.

– Как, князь, будешь платить дань? – спросил Лавкай Хабаров. – Ведь, считай, уже все ваши князья покорились русскому царю. Только ты упрямисься. Смотри, рассердится наш государь – и тогда пеняй на себя...

Может, хоть на этот раз они договорятся, подумал атаман, предлагая князю отдохнуть с дороги и принять угощение.

– Фроська! Быстро распорядись со жратвой! – приказал он стряпухе, и та заметалась по избе.

– Вот сейчас мы с вами и отведаем бражки. Я ведь, Лавкай, еще никогда тебя ею не угощал, так ведь? – потирая руки, весело проговорил Ерофей, усаживая гостей за стол.

– Не надо бражки. Я не из-за еды приехал, а просто подарки привез, – пытался остановить атамана Лавкай.

Лавкай сделал знак, и его сподручники вытряхнули на тесовый пол содержимое двух мешков – шкурки серебристого и черного соболя, маленьких белок со стальным отливом, шелковистых горностаев, рыжеватых колонков. Еще присутствовали две шкуры чернобурки и большая – медведя.

У Ерофея загорелись глаза, когда он увидел подобное богатство. Он знал, мягкая рухлядь ценилась во всем мире наравне с золотом.

– Принимай, атаман, подарки. Очень уж я тебя люблю, – сверкнув хитрыми лисьими глазками, произнес Лавкай и низко поклонился Ерофею.

Атаман задумчиво погладил свою рыжую бороду.

– Спасибо, князь, но мне таких подарков не надо, – нахмурившись, сказал он, и вдруг усмехнулся. – Понимаю твоё желание задобрить меня, чтобы не платить нашему царю дань. Не выйдет! Я государев человек, и покупать на твои цацки не намерен. Если не хочешь, пес, получить по мордасам, то забирай свои шкуры назад.

В расстройстве Ерофей подхватил с письменного стола кубок с остатками браги и выплеснул её себе в глотку, после чего, утерев бороду кулаком, начал ходить по горнице, размахивая полами поддевки.

Лавкай ничего не понимал, а только стоял посреди избы и растерянно глядел на атамана.

– Так ты будешь платить дань, в который раз тебя спрашиваю? – схватив князя за грудки, зло проговорил Ерофей.

– Не буду, – однозначно послышалось в ответ. – Русский правитель – не наш правитель. Зачем же ему платить?

Услышав это, Хабаров крепко выругался.

– Ах, рожа паршивая! Как ты смеешь так говорить?.. – с размаху хрястнул он своим тяжелым кулаком по столу. – Эта земля принадлежит нашему государю, значит, все, кто здесь живет, – его подданные. Да, да, и ты, Лавкай, его раб. Можешь попусту не любиться... Говорю тебе, беду навлечешь, если и дальше будешь артачиться.

– Мы не боимся твоего царя!.. И тебя, атаман, не боимся! – неожиданно выказал свою прыть Лавкай. – Нас много... А еще есть дючеры, есть ачан¹¹... Побьем мы тебя, атаман.

Лицо Ерофея побагровело.

– Значит, не хочешь с нашим царем-батюшкой жить в мире? – резко спросил он князя. – Ведь мы к вам когда-то шли для торговли, – остановившись перед Лавкаем и подняв кверху указательный палец, сказал он. – Нам не надо было вашей земли. Вы-то как нас встретили? Рукопашным боем! Тогда-то и решил наш государь взять вас под свою высокую руку, чтобы жить вам с нами в мире.

Лавкай засопел.

– Мы были согласны на мир, даже служить вашему царю... – сказал он. – Только прежде вас приходил сюда казак Квашнин со своими людьми и сказал, что вы хотите всех нас побить, ограбить землю, а жен и детей взять в плен.

– Врал вам этот Квашнин! Врал! – гневно трубил атаман. – Он хотел один с вами торговать, поэтому и пытался вас запугать. Обыкновенный вор! Как поймаю, так сразу буду судить. – Атаман перевел дыхание и вдруг вскрикнул: – Чего же мы стоим? Вон Фрося и стол накрыла. Садитесь, гости дорогие, отведайте нашего скромного угощения. Как говорится, чем богаты...

Лавкай покачал головой:

– Не сяду я с врагом за один стол.

Хабаров помрачнел.

– Вот как!.. Неужели расстанемся врагами? – спросил он князя. – Я-то думал, мы с тобой дружить будем. Смотри, как бы маньчжуры вас не проглотили прямо вместе с соболиными шкурами. Они же вам житья не дадут. Думаешь, я не знаю, как они к вам относятся? И дань с вас берут большую, и девок на разврат к себе уводят, а малых сыновей отдают в евнухи. Когда взбрыкнете, то они вас тут же огнем спалят и головы срубят. Нам придется вас защищать.

Князь усмехнулся:

– У нас есть бог Хаз, и он защитит. Берегись, атаман. Великий бог Хаз говорит о большой войне. Ох, много прольется крови! Велик бог Хаз, и велики его милости...

Хабаров просто опешил, услышав такие рассуждения.

– Так ты нам угрожаешь? – нахмурил он брови.

– Ох, много будет крови!.. – вместо ответа пробормотал князь.

¹¹ Ачань – малый народ в Китае.

Он велел своим сподручникам собрать пушнину, после чего, даже не простившись, вышел из избы. Хабаров, не ожидавший такого оборота событий, лишь покачал головой и нервно поскреб свою рыжую бороду.

Он хотел остановить князя, и даже выбежал за ним на мороз, но того уже и след простыл. «Значит, не судьба», – подумал атаман.

Ранний час, а крепость уже проснулась, и над заснеженными крышами свежерубленых изб медленно курились белые печные дымы. Где-то на крепостном валу перекликались часовые. Слуш-а-й!..

...Лавкай говорил правду. Летом того же года большой отряд дауров при поддержке людей из маньчжур напал на русское поселение. Завязалась кровавая битва, длившаяся до самого рассвета.

– Мы могли взять крепость, если б не ваш Хабар, – сказал Лавкай, закончив свой незатейливый рассказ. Не понял Опарин, то ли он до сих пор об этом жалеет, то ли дело вовсе в другом. Может, азиат давно уже раскаялся, что не принял дружбу русских и покинул родную землю.

– Наверное, скучаешь по родным-то местам? – спросил князя Федор.

– Как не скучаю? Еще как скучаю...

– Так давай, возвращайся! – размеренно произнес старшина. – Будешь, как прежде, коней держать, рыбу ловить, охотиться – жить будешь! Тут-то разве жизнь? Кругом одни враги... Русские вас точно заметят. Я слышал, наш царь собирается вас освободить от дани. Разве не чудо?

Лавкай усмехнулся:

– Царь дань не будет брать, а дрянные люди останутся. Я знаю, у вас появилось много разбойников. Даже купцов грабят.

Федор помрачнел и пробормотал:

– Ты прав, бандитов у нас хватает. Придет час, и мы всех переловим.

– Даже Шайтана поймаете? – спросил князь.

– Шайтана?.. Кто такой Шайтан? – удивленно посмотрел старшина на азиата.

– Разве ты его не знаешь?! – в свою очередь удивился князь. – Две луны назад он воровал наших коней и убивал людей. Ты его поймай, а потом уже зови домой, а то Шайтан и его люди не дают нам жить.

– Поймаем! – твердо заявил старшина. – У нас ведь как говорят: повадился кувшин по воду – сломить ему голову! Вот вернусь домой – своими руками задавлю. Только б знать, где он прячется.

– В тайге. Где же еще? Спроси у тугусов, – заметил Лавкай.

В общем, решили они возвратиться к разговору после того, как казаки Черниговского переловят всех воров, промышлявших на лесных дорогах. Без этого Лавкай наотрез отказался просить свой народ вернуться в родные поселения. Уж лучше, говорит, быть под пятой у маньчжур, чем нечаянно пасть от рук разбойников.

Глава пятая. Принцесса

1

Князь уговорил казаков остаться на ночлег в своем доме. Куда, мол, вы на ночь глядя? Так можно и на маньчжур напороться.

Остались казаки. Разбили бивак возле леса, выставили караул и заночевали, а утром, поблагодарив Лавкая за гостеприимство, Федор приказал товарищам седлать коней.

– Чего мне сказать атаману? – расставаясь с князем, спросил его Опарин. – Готов ли ты возвращать свой народ на родную землю?

Тот не дал ответа и лишь обещал посоветоваться со старейшинами и тогда уже решить, как ему поступить.

Князь долго вел под уздцы Федорова Киргиза, словно не желал расставаться с казаками. Напоследок он вынул из-за пояса свой кинжал, лежавший в серебряных ножнах, и протянул его Федору.

– Отдай своему атаману. Скажи, подарок от старого Лавкая.

Уезжая, Федор и не знал, что уже больше никогда не увидит душевного человека, который поначалу показался ему хитрым и коварным лисом.

– Прощай, Лавкай! Может, еще когда свидимся!

Федор помнит, как они с товарищами возвращались от князя. Сытые, хмельные, довольные. Где-то высоко над головой, в голубой прозрачной дали висел жаворонок. Чего он там делает? – удивленно посмотрел на него Федор. Впрочем, у каждой твари свое место на земле. Кто-то в тайге, кто-то в седле, кто-то на троне. Так ведут себя люди, а у птиц, зверей, всякой мелочи тоже свои ниши. Одни летают в небе, другие ползают в земле, третьи жрут друг друга на суше или в море.

– Бровь у меня чешется, – прищипывая своего коня, неожиданно сказал старшина другу Васюку Дрязгину, идущему рядом.

– К поклону, – сказал ему тот.

– Или к свиданию, – усмехнулся Егорша Комар.

– Или к слезам, – хмыкнув, произнес Ефим Верига, который упросил Федора взять его с собой.

Старшина лишь ухмыльнулся.

– Не верю я, братцы, в приметы, – говорит. – Хоть убейте меня! Бывало, нарочно насыплю соль на столе и жду, когда меня поругает жена. Та же, не проронив ни слова, соберет эту соль в горстку, и на том все кончается. Или черную кошку увижу на дороге. Нарочно пойду там, где она мне путь перешла. Потом жду дальнейшего... Приносит мне Наталка новый кисет, вышитый собственными руками, а то и горшок с медом выставит на стол. Вот вам и беда.

Федор думал, и на этот раз все обойдется, но только он жестоко ошибался. Уже скоро с ним приключатся события, которые перевернут его жизнь. До поры, до времени все шло своим чередом. Кони уверенно несли их в сторону дома, похрапывая и легонько потряхивая гривами.

Обратный путь, говорят, короче. Хорошо на душе у казаков, ведь домой возвращаются. Едут, весело переговариваются меж собой, попыхивают трубками. Так и пролетел день, а уж когда на небе выпалили звезды, стало темно, решили остановиться на ночлег. Как раз на пути им подвернулся поёмный лесок – урема, где можно было схорониться от чужого глаза. Сняв с лошадей уздечки, они отпустили их пастись на травах, а потом и сами решили перекусить. После Федор велел казакам ложиться спать, не дав им даже поговорить на сон грядущий.

– Завтра точно всех подниму с зарей, поэтому спите... – сказал он им. – Я вас покара-улю...

Казачи нехотя ему повиновались, и скоро вся округа огласилась сотрясающим воздухом неистовым храпом. Федор так до утра и не сомкнул глаз. Лежал в траве, запрокинув голову, и наблюдал за звездами. Так он любил делать в детстве, когда в пору косьбы казаку приходилось ночевать в стогу. Самые счастливые минуты в жизни Федора, оттого они и врезались ему в память.

2

Утром чуть свет мужчины снова двинулись в путь, но не успели отъехать и полверсты, как навстречу им, поднимая пыль до небес, выскочил небольшой конный отряд маньчжур. Впереди – знаменщики с развевающимися по ветру разноцветными воинскими стягами, следом – конники в доспехах, с мечами и копьями в руках. Все в лисьих шапках, а за спиной – луки с колчанами. Под ними были маленькие, мохнатые и быстрые лошадки.

Увидев казаков, маньчжуры поначалу опешили, но быстро опомнились и с громкими воинственными криками бросились вперед.

– У нас аж двадцать сабель! Так неужели, товарищи мои, мы не выстоим против этой желтой оравы? – приподнявшись в седле, загудел старшина.

– Выстоим, Федька! – выхватив сабли из кожаных ножен, дружно ответили ему казаки. – Веди нас, разлюбезный старшина, в бой! Если не умрем, то одолеем азиата! Оп-оппа!... Пошел, пошел! – встав на стремена, прищипорили они своих лошадей.

– Вперед, вперед, товарищи мои! – крикнул на скаку старшина, и в его руке блеснула булатная сталь клинка. – Не посраим казачье племя!

Его боевой клич подхватили казаки:

– Не посраим!.. Не посраим! Бей азиата, бей!

Ох и отвели казачки в тот день душу, скрестив клинки с азиатами! Звон стали, крики раненых, кровь, стоны, проклятья – суровая и одновременно веселая жизнь. Рубились как в последний раз. И летели на землю головы басурман, и ни их воинственные вопли, ни копья, ни стрелы не смогли рассеять по полю казаков.

– Скажите мне, братья-казаки, хорошо ли мы погуляли на Дону?! – сбросив с лошади очередного маньчжура, кричал товарищам Федор.

– Хорошо, старшина!.. – слышалось в ответ.

– Как Астрахань брали, помните?

– Помним, Федька, помним!

– И Самару помните?

– И ее тоже!

– Разве можем мы не одолеть поганцев?

– Одолеем, старшина! Дай только время.

Снова звенит сталь, льется кровь, звучат проклятья раненых...

– Грися!.. Бык! Жив ли?! – прокладывая клинком себе путь, кричал товарищу старшина.

– Жив я, Федька, жив!.. Турка грозного били, отчего же не справимся с маньчурами?

– Любо! – остался доволен его ответом старшина. – Семен?.. Хорошо ли держит тебя седло?

– Хорошо, дружище! Лучше некуда!

– Карп! Живой?.. – взяв за шиворот маньчжура и сбросив его с лошади, не унимался старшина.

– Еще долго жить буду! – слышал он голос старого товарища.

– Хорошо говоришь! – натягивая поводья, чтобы сдержать коня, который, казалось, готов был в запале броситься на вражеское копьё, кричал Карпу Федор. – Где Фома?! Что-то я его не вижу.

– Здесь я! – откликнулся Фома Волк.

– Жив, значит?

– Жив!

– Ты, Иван Шишка?..

– Здесь я, здесь!

– Как там братья Романовские?

– Живы мы, дружище, живы! – слышал Федор голос Леонтия.

– Так прикончим азиатов, а то слишком с ними возимся!

Стали казаки еще быстрее работать клинками, и уже скоро вся дружина врагов лежала порубленная на сырой земле.

– Хорошо, братцы! – когда казаки покончили с маньчжурами, похвалил товарищей старшина, глядя на поле брани, густо залитое кровью. – Так будет со всеми, кто решится пойти против нас!

– Твоя правда, старшина! Всех побьем! Слава казакам! – звучали голоса еще не успевших остыть после битвы товарищей.

Федор отер рукавом кафтана пот с лица и спросил:

– Что у нас? Есть ли убитые?

– Есть! – ответили ему. – Митяй Суворин и Остап Сковорода.

– Жаль, – покачал головой старшина. – Как поступим, товарищи? В чужой земле их похороним или повезем домой?

– Неужели оставим? Домой, конечно, домой! Их жены нам такого не простят... – кричали казаки.

– Ладно, а врагов оставим на съеденье чужим воронам. Пусть попируют, – сказал Федор.

Привязав мертвых товарищей к седлам оставшихся сиротами лошадок, казаки отправились в путь. Вокруг такая красота, нельзя глаз оторвать. Больше всего поражали окрестные горы, чьи вершины были укрыты прозрачной пеленой сизого тумана. Впечатляли и леса у подножия гор, и травы в полях, усеянные поздними цветами. Только любуйся! В момент, когда казаки стали потихоньку отходить от недавнего боя, раздался встревоженный возглас Фана:

– Маньчжуры!

Снова руки казаков потянулись к оружию. Только напрасно так лихорадочно забились их сердца, ведь на этот раз отсутствовала всякая опасность. Вместо маньчжурских конников они увидели впереди каких-то странных людей, которые, заметив казаков, тут же повернули вспять.

– Братцы, давайте глянем, кто такие! – предложил Фома.

Пришпорив коней, казаки бросились в погоню.

Это были четверо молодых китайцев с выбритыми до блеска лбами, одетые в синие, мокрые от пота длиннополые халаты, на плечах которых покачивался украшенный разноцветными лентами паланкин. Двигаясь усталой рысцой, китайцы пытались оторваться от чужаков. Их голые грязные пятки, мелькавшие впереди, вызвали у казаков дружный смех.

– Стой! – приказал Федор. – Кто такие?

Егорша Комар тут же перевел его слова.

Китайцы замерли, и в следующее мгновение шелковая занавеска паланкина отдернулась, а на казаков глянуло хорошенькое девичье личико.

– Охо! Ничего себе девица! – увидев столь хрупкое и луноликое создание, почесал затылок Мишка Ворон.

– Нечего на чужих девок пялиться – своя в Албазине ждет! – прикрикнул на него старшина.

Речь шла об Аришке, дочери Федора. Молодые общались уже почти год, и в крепости стали поговаривать об их скорой свадьбе. Старшина был не прочь иметь такого красивого и умного зятя. Кроме того, его будущий зять – потомственный казак.

– Девушка не из бедных, у нее наверняка есть золотые украшения. Может, поживимся? – подъехав к Федору, проговорил Иван.

– Цыц! – строго глянул на него старшина и вдруг приказал ханьцам опустить тяжелую ношу. Когда они это сделали, он предложил девице выйти из паланкина, но она наотрез отказалась. Тогда старшина силой вытащил ее оттуда. Девушка сопротивлялась, царапалась, кусалась, плевала казаку в лицо, а тот только весело смеялся и все время приговаривал:

– Ай, молодец! Ну-ну, хватит, хватит!..

Это была молоденькая азиатка, одетая в атласный халат коричневого цвета, скромно украшенный незатейливым орнаментом и перетянутый в талии красным широким поясом. Ее маленькие ножки были обуты в расшитые бисером туфельки. Девушка отличалась гибкостью, тонкостью талии и легкостью в поступи. Ее длинные, черные с синевою волосы чьи-то терпеливые руки уложили в прическу и украсили золотой заколкой. Тонкий, с маленькой горбинкой нос, а кожа белее и нежнее персидского шелка. Ресницы пушистые, словно лебединый пух, брови же походили на крылья черной чайки, парящей над белым мраморным озером ее припудренного лба. Когда девушка взмахивала ими, у Федора останавливалось сердце. Губы!.. Розовые лепестки, волею случая занесенные ветром на утопающую в пыли дорогу.

Удивляли и глаза иностранки. Чернее бархатного ночного неба и с небольшой раскосинкой, они даже во гневе отличались несказанной прелестью.

Наверное, дочь какого-нибудь знатного мандарина, решил Федор. Вон и герб родовой начертан на ее укутанном в тяжелые шелка теремке.

Казак угадал. Девушка на самом деле приходилась дочерью одному большому маньчжурскому военачальнику. Азиатка отправлялась в далекое путешествие к новому городу Чучару, где служил офицером ее старший брат. Девушка давно его не видела, поэтому решила проводить.

3

Сан-Пин, а так звали девушку, родилась и выросла в долине Сунляо, в родовом поместье своего отца, находившемся недалеко от Мукдена, древней столицы Маньчжурии. Там, где высокие горы граничат с рисовыми полями, где бегут по распадкам холодные ручьи и в синь неба даже больно смотреть. Сан-Пин приходилась внучатой племянницей первого цинского правителя, хана Абахая, поэтому двери императорского дворца для нее не закрывались.

Выписанные из Японии гувернантки научили девушку хорошим манерам. Она выучила все правила, которыми руководствуются женщины в Японии. Приличная женщина должна быть здоровой, держать спину прямо, владеть искусством ведения культурной беседы, а также всегда с улыбкой говорить: «Доброе утро», опрятно одеваться. Кроме того, приличная женщина не может испытывать скуки и полностью посвящать себя чему-то. Она должна говорить приятным голосом, причем только вещи, в которых уверена. Приличная женщина всегда отвечает на письма и послания, имеет красивые зубы и сияющие блестящие волосы. Каждый вечер она обязана хорошо засыпать и рано вставать. Часто говорить «спасибо», самостоятельно преодолевать страдания, не переносить в завтрашний день неприятности, которые случились сегодня, а также стараться не простужаться, иметь много приятелей для встреч, знать методы самолечения, красиво писать иероглифы, иметь любимое изречение и больше плакать о дру-

гих, чем о себе, думать, ценить свою красоту, иметь хорошую кожу, и кроме того, не только выглядеть счастливой, но и быть. И еще многое, многое другое...

Сан-Пин с детства знала, что все, что делается вокруг, делается именно для нее. Для нее ткнут знаменитые на весь мир тяньцзиньские ковры, чеканят золотые монеты, идут ранними утрами в поля, держа на плечах тяжелые лопаты и мотыги, и даже собирают дань... Ради девушки захватывают чужие земли, покоряют народы, строят большие города. Ее род – один из самых древних и самых уважаемых в империи, чем Сан-Пин невероятно гордилась.

В жизни никто не смел косо посмотреть на нее, не говоря уже о грубых словах, а тут эти русские мужланы не только перебили ее охрану, но еще хотели ограбить знатную особу. Откровенную ненависть в ней вызвал огромный светлородый казак, который бесцеремонно вытащил ее из паланкина. Жаль, у нее нет с собой кинжала, не то бы она ему показала! Сам небось голь перекатная, а туда же. Хотя, если честно сказать, он недурен собой. Мало найдется в ее империи столь же сильных и красивых воинов, как он. Можно взять мужика к себе охранником и платить хорошие деньги. Тогда уж точно она забудет о волнении за свою жизнь.

– Ты кто? – когда девушка немного успокоилась, спросил Федор через переводчика.

Вместо ответа она фыркнула и отвернулась. Гордая, надменная азиатская красавица всем своим видом показывала, насколько ей неприятна эта встреча.

– Так как, сама назовешься, или я тебя начну пытать? – улыбнулся старшина и демонстративно разрезал воздух нагайкой.

– Не трогайте!.. Не трогайте мою госпожу! – неожиданно услышали казаки испуганный девичий голос, и в ту же минуту из зашторенного богатой тканью паланкина выскочила невысокая узкоглазая девчушка. На голове у нее присутствовали множество тонких косичек, туго сплетенных из смоляных волос. В каждой из них звенело множество серебряных и золотых монет.

– Так, у нас, оказывается, не одна, а две пленницы! – радостно воскликнул Федор. – Ну а ты, – обращается он к девочке-подростку, пытавшейся заслонить собою ту, которую она назвала госпожой. – Ты-то хоть скажешь, кто вы такие и куда держите путь?

Боясь пыток, она с испугом что-то залепетала.

– Давай, Егорша, перескажи-ка нам ее щебет, – попросил переводчика старшина.

Так казаки и узнали, кто такие эти две красавицы, как их зовут и куда они держат путь.

– Вот те на! Взяли в плен маньчжурскую принцессу! – крикнув, восхищенно воскликнул Гридя Бык. – Чего ж мы с ней будем делать? – обратился он к старшине.

Тот почесал затылок и вдруг произнес:

– Возьму-ка я ее, братцы, в наложницы! Тесто для пирогов будет месить...

Услышав подобное, казаки весело заржали.

– Вот тебе Наташка-то покажет наложницу! Ведь ты ж эту девку, поди, не только тесто месить заставишь, а и на сеновал потащишь, – подначил его Карп, вызвав тем самым новую волну смеха.

– Послушай, Федька, отдай мне эту красотку, – подъехав к Федору вплотную на своей лошади, негромко попросил его Ефим Верига. – Зачем она тебе нужна? У тебя жена, а у меня, сам знаешь, пустая изба... Отдай, прошу тебя! По гроб жизни буду благодарен.

Федор насупил, жестко отрезав:

– Не проси. Если хочешь – бери служанку.

– Так ведь она же еще ребенок! – в сердцах бросил Ефим.

– И? – усмехнулся старшина. – Поверь, и не заметишь, как она бабой станет. Девки быстро растут. Взгляни на мою Аришку – вроде крошка, а уже жених нарисовался...

Девушкам дозволили сесть в паланкин, и Федор велел китайцам следовать в сторону русской границы.

– Куда вы нас ведете?.. – выглянув из-за занавески, испуганно спросила казаков Сан-Пин.

– В плен, девонька, в плен! – ответил ей за всех Карп. – Не бывала еще за Амуром? Вот и побываешь...

Девушка забилась в отчаянье.

– Мой брат все равно вас догонит и убьет! – заливаясь слезами, предупредила она. – Я послала своего слугу в Чучар, поэтому ждите погони.

Девушка не врала. На следующее утро, когда казаки, позавтракав, снова двинулись в путь, они вдруг увидели далеко впереди, на невысокой горке, вооруженных конников. Их силуэты хорошо прорисовывались на фоне прозрачного осеннего неба.

– Маньчжуры! – снова в страхе закричал Фан.

– Вот тебе, бабушка, и юрьев день! – смачно выругавшись, с досадой произнес Федор. – Чего, братцы, делать-то будем? – спросил он товарищей. – Смотрите, сколько здесь маньчжуров. Сможем ли одолеть?

– Вряд ли, ведь у них не меньше ста сабель, – напряженно вглядываясь вдаль, произнес Гридя. – Может, бросим этих девиц? Тогда проще будет бежать.

Старшина нахмурил брови:

– Забудь!

– Хочешь на чужих холмах голову сложить? – удивился товарищ.

Федор покачал головой.

– Нет, помирать не хочу, но и девушек не оставляю! Скажи, когда казак оставлял трофей? – как-то вымученно улыбнулся он.

Завидев казаков, маньчжуры выставили вперед копыта и, подбадривая себя громкими криками, бросились в атаку.

– Вот что, Мишка!.. – закричал Федор молодому казаку Мишке Ворону. – Ты давай, сажай в седло девочку, а эту принцессу я к себе посажу... Давай, давай, поторапливайся, а то у нас времени вообще нет.

Мишка быстро спрыгнул с коня и бросился к паланкину.

– Опускай носилки!.. – скомандовал он китайцам.

Те тут же подчинились молодому человеку. Подхватив на руки испуганную служанку, он усадил ее в свое седло. С Сан-Пин вышла осечка. Она не стала дожидаться, когда ее вслед за служанкой вытащат из убежища, и выскочила сама. Принцесса бежала по дороге навстречу маньчжурам, кричала и махала руками:

– Я здесь!.. Здесь!.. Спасите меня!

Федор какое-то время стоял в нерешительности. Зачем ему, казалось бы, эта девка? Стоит ли из-за нее так рисковать? – спрашивал он себя.

Вдруг в казаке что-то взыграло. «Нет, не дам этой красавице уйти!» – скрипнул зубами Опарин и, с силой стегнув коня плетью, помчался вслед за беглянкой. Миг, и вот она уже сидит у него в седле, подхваченная на скаку мужскими сильными руками. Девушка кричит, отбивается, пытается вырваться, но куда там!

– Давайте, братцы, за мной! – повернув Киргиза, велел старшина казакам.

Вот они уже мчатся на своих быстрых конях, пытаясь скрыться от погони.

– Давай, давай, товарищи мои! – кричал Федор. – Быстрее! Быстрее!

Где-то далеко позади осталась пыльная дорога со слугами-азиатами и паланкином. Упав грудью на крупы коней, казаки вихрем неслись над землей, минуя луга, невысокие горки, кустарники и дубравы, взбирались на крутые сопки и снова, не оглядываясь, скакали вперед. Никто – ни Федор, ни его товарищи – не знал, куда они скачут. Даже Фан ничего не мог сказать, и только кричал что-то на своем, все пытаясь не отстать от казаков. Ведь если маньчжуры его поймут, то обязательно убьют. Русских или монголов они иногда берут в плен, а азиатам полагалась только смерть, так как и азиаты не считали казаков за людей.

...Точно звери, рыскали казаки по чужой земле, прячась то в высоких травах, то в лесах и среди ложбин, но всюду их взгляд натывался на маньчжур. Даже по ночам, укывшись где-нибудь в горном ущелье, мужчины не чувствовали себя в безопасности. Позже, сидя ночью у костра в родном поселении, Федор с товарищами все дивились, как им тогда удалось убежать. Страх ли им придал силы, а может, молитвы дошли до ушей Господа, только вот свершилось чудо. Они обхитрили маньчжуров, запутав следы, и теперь веселились, поднимая кубки за благополучное возвращение.

Один только Ефим Верига оставался хмурым, размышляя о молодой маньчжурской красавице, которую Федор взял в наложницы. Металась душа казака, зло его разбирало. Не раз он уже подумывал о том, чтобы украсть девку и сбежать с ней из острога. Другое дело, куда побежишь? На Урал? На Дон? Так ведь туда еще надо добраться. Может, уйти к маньчжурам? Говорят, у них есть особое войско, куда берут всех кого не лень – и русских, и монголов, и даже ливонцев с германцами. Платят-то им, говорят, золотом, а кто желает, может открыть собственное дело. Ефим, в случае такого счастья, построил бы корчму. Дело не слишком хитрое, но прибыльное. Стоит подумать?

С этой мыслью теперь он и жил. Казаки удивлялись поведению их товарища. Закрылся в себе и угрюмо молчит, как бирюк. Разве Ефим скажет правду? Она может стоить ему головы...

Глава шестая. Сборный день

1

Федору не суждено было вновь погулять по маньчжурским пыльным дорогам. Он думал, атаман оставит его за главного в крепости, пока сам будет мотаться по полям и долам, а тот возьми и прикажи Опарину собираться вместе с ним в дорогу. «Подбери понадежнее людей, – сказал атаман Федору. – Не к теще на блины едем».

Как что, так Федор. Не может атаман обойтись без старшины. Видно, видит в нем надежду, а тут дальняя дорога, и всякое может случиться. С Федором явно веселее. Тому ни бог, ни черт не страшен, к тому же казак дико везучий – найдет выход из любой проблемы.

Федор погоревал, погоревал, но делать нечего. Собрал он своих старых и верных товарищей – Гридю Быка, Ивана Шишку, Семена Антонова, Карпа Олексина, Фому Волка, Григория и Леонтия Романовских – и велел им тоже готовиться в путь.

Теперь надо было просить Наталью собрать мужу дорожную суму, и чтоб не забыла о торбе с овсом для Киргиза. Трава одно, а овес совсем другое. Так говорил Опарин. От овса у лошади закладывается рубашка, подкожное сало, и ей легче бывает и зиму пережить, и лето скоротать. Тем более, когда речь шла о дальней дороге, где животине требовались силы.

Дав жене указания, Федор отправился к Саньке, которая встретила его более чем холодно.

– Что с тобой? Все нормально? – заволновался казак.

Она ухмыльнулась:

– Почему, русский, ты не сказал мне о завтрашнем отъезде?

Пренебрежительное «русский» означало крайнюю степень гнева. Так азиатка звала Федора в первые месяцы после того, как он привез ее в крепость. «Русский» да «русский»! Он Саньке: «Зови меня Федором... Мое имя – Федор». Она же все равно: «Русский!» Будто издевалась над казаком или не хотела его признавать. Даже после того, как Федор Опарин однажды ночью в порыве страсти силой взял красавицу.

До этого мужчина долго к ней примерялся – и обнимет, и легонько за ушко потреплет, и в губы чмокнет невзначай. Принцесса морщилась, кричала на него, а Опарин все равно гнул свою линию, поэтому потихоньку девушка смирилась с его ласками, и даже стала на них отвечать, но дальше этого дело не шло. Как-то Федор пришел к Сан-Пин пьяненький и сделал то, о чем подспудно все время мечтал.

Несколько дней она волком смотрела на него, даже на шаг подойти к себе не позволяла, но хочешь не хочешь, а женскую плоть не обманешь. Однажды Санька сама притянула Опарина к себе, и это был самый счастливый день в его жизни.

С тех пор мужчина уже не стеснялся своих чувств. Ох, и охоч же он был до ласок! Так зацелует, так истерзает в страсти, что принцесса потом просыпалась наутро едва жива. Видно, такие вещи сводили девушку с ума, поэтому она злилась, если Опарин долго к ней не заглядывал, но ведь ему, бедняге, на части приходилось разрываться, лавируя между двумя семьями. Он не мог просто так бросить Наталью – венчанные. Гермоген Федору тоже не раз выговаривал за его шалости. Смотри, мол, от греховного корня бывает уродливый плод, и приводил в пример зверя – братоубийцу Святополка. Все, дескать, из-за греховной связи его отца с вывезенной из греков монахиней.

Только разве Федора остановишь! Он по-прежнему был ласков с Санькой, хотя в глубине души осознавал ее нелюбовь.

– Ты-то откуда узнала о моем отъезде? – спросил Саньку Федор и тут же понял – его сподручник Яшка Попов проболтался. Чего с таким баламутом делать? Его хлебом не корми – дай только потрепаться.

Когда Федор построил за крепостной стеной этот дом и поселил в нем Саньку с Маняшкой, то велел Яшке стеречь их, чтобы те не сбежали. Парень, думает, неженатый, своего угла тоже нет, так пусть пока поживет в теремке. Отвел ему место в передней, ведь у девок на глазах плохо маячить. Там Яшка и ночевал, а вот есть ходил в казенную избу к холостым казакам. Он стеснялся садиться за один стол с девушкой знатного происхождения. Ходить по коврам Яшка тоже не привык, а они в доме были повсюду. Так пожелал Федор, который делал все в угоду знатной пленной. За богатым товаром он даже специально ездил на ярмарку, находившуюся под Нерчинском.

– Сегодня ночевать к тебе приду – жди... Надо попрощаться, – обняв Саньку и поцеловав ее в висок, сказал старшина.

Девушке не привыкать было ждать, ведь большую часть времени Федор проводил все-таки с семьей. Впрочем, после рождения Степки все изменилось. Теперь уже Наталье приходилось все реже и реже видеть своего мужа. Жена пыталась с помощью гадалки вернуть Федора Опарина в семью, но не получилось. Тогда Наталья решила пойти в монастырь, попросить совета Гермогена.

Изба, в которой находилась келья старца, представляла собой небольшой деревянный сруб с крыльцом в три ступени. У входа ее встретил послушник и проводил внутрь. Там, в прихожей, уже были люди, желавшие попасть к старцу. Отстояв свою очередь, женщина вошла в горницу, где на широкой скамье возле стены, опершись на архиерейский посох, сидел Гермоген. На нем была обычная монашеская ряса и клобук, а впалую грудь прикрывал огромный золоченый крест.

– Я, наверное, не ко времени? – перекрестившись на иконы в красном углу и попросив у старца благословения, робко произнесла женщина.

– Ничего, ничего... Садись вот, матушка, – указал он на скамью, находившуюся у противоположной стены небольшой горенки. Когда Наталья села, священник произнес: – Теперь я слушаю тебя.

– Отче, у меня случилась большая беда, – зашевелились белые губы женщины, причем она вдруг всхлипнула, и из ее глаз потекли слезы.

– Успокойся, дочь моя. Успокойся. Если не можешь продолжать – не продолжай, – посмотрел ласково на нее Гермоген.

У женщины и впрямь не было сил говорить, но она все же сумела взять себя в руки. Утерев слезы концами покрывавшего голову Натальи светлого платка, молодая женщина снова заговорила:

– Батюшка, как мне жить? Ты прости, ум за разум заходит, а не знаю, что и сказать... – произнесла Наталья, и снова слезы хлынули из ее глаз.

– Ты говори, – попросил старец.

– Да, надо говорить, если уж пришла... Отче, тут вот мой Федька... – вытирая слезы, согласилась женщина.

– Федька? Чего с ним? Недавно я его видел. Он приезжал к нашему кузнецу, в Монастырскую слободу. Неужели происшествие? – произнес старец.

Наталья снова всхлипнула.

– Он меня не любит. Все к этой узкоглазой по ночам бегаёт, а ведь у него семья, – с трудом выдавила она из себя.

Старец вздохнул:

– Я уже говорил с ним, да только черного кобеля не вымоешь добела.

– Если я попрошу у Бога помощи? Он же должен помогать несчастным... – с надеждой посмотрела на старца Наталья.

– Должен, дочь, моя, конечно же, должен. Вот и обратись к нему. Может, уже обращалась? – кивнул головой Гермоген.

– Обращалась...

– С молитвой? – спросил святой отец.

Наталья покачала головой:

– Вроде нет, по-бабьи... Со слезами...

– Ты попроси Николая Чудотворца, нашего заступника, ведь он скорее до Господа нашего достучится. Глядишь, и помилует тебя. Или же твоего мужа накажет за все его грехи, – посоветовал старец.

Наталья испуганно взглянула на священника:

– Накажет? Федьку?

Зачем женщине нужны лишние проблемы? Ей бы только вернуть мужа, а вот зла ему она не желает. Какая же нормальная баба хочет плохого для своего мужика?

Бедную Наталью обуял страх, хотя его она понимала по-своему. Когда что-то непонятное собирается у тебя на затылке, а затем струйкой истекает вниз, к самым пяткам по спине, и все это мгновенно обрушивается. Точно такое же случилось сейчас и с ней.

– Можно без наказания? Просто пусть Федька покается и вернется ко мне, – с надеждой взглянула женщина на старца.

Дело шло к вечеру, и келья стала наполняться сизой закатной мглой, и когда по стенам забегали тени, старец велел молодому послушнику, все это время стоявшему за его спиной, зажечь лампадку, после чего в горнице стало заметно светлее.

– Я вот что тебе скажу, матушка, – взглянув в озаренное горящим фитильком лампадки лицо Натальи, проговорил старец. – Ты слезы-то не лей! Пустое дело. Лучше иди и молись Господу, чтобы он образумил твоего кобеля. Веруй, Бог тебя любит и не оставит в беде, как не оставлял он любого, кто обращается к нему с мольбой. Мужа же продолжай любить, так как все искупается и спасается любовью.

На прощание Гермоген благословил Наталью и подарил ей небольшую бумажную иконку Николая Чудотворца, а к ней написанный чьей-то прилежной рукой «Акафист святителю Николаю».

– Поставь иконку в красный угол, среди иных Божьих угодников, и молись, – наказал он ей. – С чувством молись, ведь иначе не поможет, а то иные порой бубнят себе под нос молитву и при этом думают вовсе о другом... Сам на себе, если честно, подобное испытывал. Когда молишься с чувством – все случается, а когда бездумно, так вообще пустая потеря времени... Все, иди, и да хранит тебя Господь!

Теперь, когда Федор сбегал ночью к маньчжурке, Наталья становилась на колени перед святым Чудотворцем и, приняв смиренное выражение лица, негромко молилась: «Избранный Чудотворец и угодник Христов, всему миру источай драгоценное миро милости, и неисчерпаемое море чудес. Восхваляю тебя любовью Святителю Николаю: ты же как имеющий путь к Господу, освободи меня от всяческих бед, и называю тебя: радуйся, Николай, великий Чудотворец». От себя также добавляла: «Прошу тебя, отец-священноначальник, верни мне моего Федора. Попроси Господа нашего, чтобы указал ему истинный путь...»

2

Предупредив Саньку о своей ночевке, Федор вернулся домой и стал готовиться к походу. Первым делом он привел в порядок оружие – поточил клинок, прочистил шомполом-стерженьем ствол фузеи, зарядил два пистолета и после этого отсыпал в железный коробок из запаса

пороха, налил свинцовых пуль, и уже хотел было заняться конской сбруей, когда к нему подлетели сыновья казака.

– Папа, возьми меня с собой! – заканючил Петр.

– И меня, тятя, и меня... – следом стал напрашиваться и младший Тимоха.

«Наверное, им Наталья донесла о моем отъезде», – ухмыльнулся Федор, а вслух произнес:

– Рано вам! В дороге всякое может приключиться. Вон сколько развелось разбойников. Еще эти проклятые маньчжуры... Так и рыщут, так и рыщут вокруг. То жилища поджигают, то наших людей в плен уводят, а бывает, засады устраивают. Чуть зазевался – и поминай как звали... Нет! Подрастете чуть – тогда и поговорим. Пока сидите дома и объедайтесь белым хлебом в молоке. Если же не хотите – ступайте строить забор возле дома. Все лучше, чем пасть от руки иноземца.

– Не хочу возводить забор, а хочу рубить головы маньчжурам, – капризно заметил Тимоха.

Федор фыркнул.

– Сейчас как тресну! Мало не покажется, – бросил он в сердцах. – Герой нашелся... Ладно, даже и не проси, – заметив слезы в глазах у младшего сына, примирительно сказал он. – Если хочешь врагам головы рубить, то вначале нужно научиться этому ремеслу, а то ведь и свою так можно сложить.

Тут на выручку брату пришел Петр.

– Ты чего, папа! Ведь мы не хуже любого казака умеем махать сабелькой! Считаю, каждый день с друзьями рубимся на пустыре, – похвастался он.

– Где ж вы сабли-то взяли? – не понял Федор.

– У нас не настоящие, а деревянные, – моргнул глазами Тимоха.

– Деревянные!.. – вздохнув, передразнил его отец. – Это, сынки мои, не то. С деревянными саблями только игры сплошные, а у вас пока даже нет коней.

– Коней возьмем у соседей! Сабли... У тебя одна лишняя имеется, и другую мы уж как-нибудь отыщем, – тут же ловко нашелся Петр.

Федор и не знал, как ему быть. До встречи с Санькой оставалась еще уйма времени, и солнце говорило лишь о начале дня, но ему нужно было еще побывать в Монастырской слободе, у бронного мастера Платона Кушакова, обещавшего залатать старшему Опарину доспехи. В недавней стычке с маньчжурами старшине помяли обмундирование. Заодно уж пусть кузнец и на подковы Киргиза взглянет, на конскую попону. В дальней дороге все нужно предусмотреть.

– Пошли на задний двор, – неожиданно сказал Федор сыновьям и, сняв со стены обе хранившиеся в доме сабли, пошел к двери. Те, забыв про все на свете, побежали следом.

Наталья, слышавшая весь разговор, всполошилась. Чего извергу-муженьку опять в голову взбрело? Шел бы к своей узкоглазой красавице. Зачем теряет время в нелюбимом доме?

Юная Аришка, заметив тревогу в глазах матери, решила ее успокоить.

– Не переживай, мама, пусть мужчины развлекаются. Ведь папа нечасто находит время на своих детей, – сказала девушка.

Верно, решила мать. Только бы у Федора хватило ума не покалечить ее сыновей.

– Не дай бог, тебе достанется такой же вот гуляка. Наплодил детей, а сам в кусты. То он все по Дону шлялся, заставляя меня по ночам слезы лить, волноваться и молить Бога его спасти и сохранить. Вернулся. И? Нашел себе молодую, да еще несчастную иностранку, – вздохнула Наталья, пробуя на соль похлебку, варившуюся в большом чугуне.

– Ты несправедливо судишь, мама. Мне нравится эта маньчжурка. Она даже меня стала замечать. Сначала все шарахалась, будто я какая прокаженная, – выкладывая из печи подовый рыбный пирог, сказала Аришка.

– Вот-вот, все вы против матери... – мрачно и с упреком взглянула мать на дочь.

– Да нет, мама, мы тебя любим, а маньчжурка... В самом-то деле, не убивать же теперь ее! Раз Бог так распорядился – пусть все остается на своих местах. Тем более, папа не уходит к ней навсегда.

Наталья шмыгнула носом.

– Думаешь, мне нужна такая жизнь? Вот станешь сама женой – тогда поймешь, – сказала Наталья, расстроено шмыгнув носом.

– Нет, мама, у меня будет домовитый и верный муж, – сказала Аришка, широко улыбаясь.

– Ты говоришь о Мишке Вороне? Любит ли он тебя? – спросила мать, и дочь даже зарделась при этих словах и опустила глаза.

– Ой, мама, любит! Еще как любит! Он такой добрый, такой заботливый... – радостно воскликнула девушка.

– Хорошо, раз так, – ласково взглянула на дочь Наталья. – Пусть хоть тебе в жизни повезет. Только вот... – она вдруг запнулась. – Сама ведь знаешь, какая у казака жизнь. Сегодня жив, а завтра... – начала было мать, но тут же замолчала.

Дочь горестно вздохнула.

– Знаю, мама, знаю, но вдруг Боженька смиростивится над нами, не разлучит нас, и если даже так, то я все равно до конца жизни буду любить моего Мишеньку, – сказала дочь, горестно вздыхая.

Подобные слова растрогали Наталью. Вытерев о передник руки, она обняла дочь и стала нежно гладить ее по русой голове, приговаривая:

– Доченька ты моя ненаглядная, родненькая моя... Вот стукнет тебе шестнадцать годов – пусть твой жених присылает сватов.

3

Опарин жил, старясь не выделяться среди других казаков, а то ведь могли сказать – Федька понабрал где-то чужого добра и теперь жирует.

Дом себе поставили незатейливый, хотя и не самый последний в округе. Крепкий широкий сруб с террасой, сенями и передней, гостиной, спальней и небольшим углом для приготовления пищи. Слева от дверей – лаз в чулан, а напротив – большая печь с подом и камином, который в долгие зимние вечера освещал кухню смоляными шишками. Между стеной и печкой – полати, на которых спали Петр с Тимохой. Вдоль противоположной стены стояли лавки для кухонной утвари, а ближе к переплетенному окну, у широкой лавки для сна, – большой обеденный стол с тяжелой столешницей, две скамьи и сундук. Между лавкой от двери угла напротив печи и горницей – деревянная перегородка, отделяющая одну половину избы от другой.

Справа от дверей – угол в избе с холодным чуланом, кладовой, в котором стояли жернова, а рядом – выдолбленная из целого куска дерева высокая ступа; тут же решето и сито, а зимой еще и кадушка с водой.

Гостиная под стать всему остальному – небольшая, с одним окошком. Поначалу оно было затянуто бычьим пузырем, но позже Федор зашил окно слюдой. В красном углу – полка с иконами, кадило, молитвенники, восковые церковные свечи и поминальные белые хлебцы – просфоры. Под молитвенной полкой – небольшой столик-трехножка, а на нем всегда лежало что-то церковное. К примеру, в Пасху – куличи и крашеные яйца, в Вербное воскресенье – распустившаяся верба в горшке с водой, но чаще всего – принесенные из храма свечи и ладанница с пахучей смолой.

Здесь же стол для занятия рукоделием, и на нем – целая гора тряпичных лоскутков, среди которых затерялся берестяной коробок с иглами, наперстками, нитками и пуговицами. Возле стола – два табурета. Напротив окна на стене – большое овальное зеркало в бронзовом окладе,

привезенное Федором из Нерчинска. Под ним – широкая скамья, покрытая овчинной шубой, являвшаяся спальным местом Аришки.

Была еще и небольшая комнатка, смежная с гостиной и отделенная от нее занавеской, где стояла родительская кровать.

Таким же незамысловатым выглядел и опаринский двор, огороженный забором из жердей. В нем – амбар, помещение для коровы, поветь – нежилое помещение для Киргиза, небольшой огород. Тут же баня «по-черному» и сарай, где у хозяина, мечтавшего когда-нибудь заняться пашенным делом, хранились сельхозорудия, конская сбруя, а еще стоял обыкновенный плотничий верстак. В конце огорода – сруб – колодец с ледяной прозрачной водой.

Вот возле этого колодца Федор и устроил испытание своим сыновьям. Чтобы не путаться в рукавах казахского кафтана, он его снял и набросил на колодезный ворот, оставшись в исподнем. Петр же с Тимохой лишь освободили застёжки своих косовороток и для удобства закатали штанины брюк.

– Так, кто первый? – протягивая саблю сыновьям, спросил отец.

– Давай мне! – подтянув штаны, выступил вперед Тимоха.

– Ты не подтягивай штаны-то, подвяжи их ниткой, а не то свалятся, и носом не шмыгай – не маленький, – беззлобно укорил его отец.

Петр снял свой пояс с рубахи и протянул его брату. Подвязав штаны, Тимоха смело взял из рук родителя саблю, вынул ее из ножен и принял боевую стойку.

– Чего стоишь, давай, наступай! – велел ему отец. Тимоха, размахивая клинком, смело полетел вперед и тут же, выронив саблю, упал носом на землю.

– Так нечестно! Зачем ты мне, папа, ножку подставил? – закричал парень.

– Ты давай, не гунди, а дерись! На ратном поле тебе не на кого будет пенять. Наступай!.. – прикрикнул на него отец.

...На этот раз Тимоха был осторожен, опасаясь снова попасть впросак. Вместо смелого движения вперед он начал делать какие-то замысловатые движения, и это у него получалось так ловко, что отец был вынужден отступить.

– Давай-давай! – подбадривал Федор сына. – Кистью, кистью больше работай, а то у тебя мертвое лезвие. Так, недурно! Еще давай...

Тимоха в ударе снова и снова пытался загнать отца в угол, но в тот самый момент, когда он уже готов был праздновать победу, Федор, изловчившись, выбил у него из рук саблю.

– Вот так, братец, нужно воевать! – подхватив ее на лету, усмехнулся старший Опарин. – Еще развлечемся? – спросил он Тимофея.

– Нет, теперь давай я! – сказал Петр.

Сын взял из рук отца саблю и начал осторожно на него наступать. В отличие от брата, в стойке Петра присутствовало что-то звериное. Он не шел на противника грудью, а, пригнувшись к земле, мягко подкрадывался к нему, при этом зорко следя за каждым движением человека. Саблю держал жестко, уверенно, но размахивать ею не пытался. Напротив, он будто бы выжидал, когда противник ошибется.

– Давай, наступай, что крадешься, как волк! – зарычал на него отец, но Петр не слушал. Его цель – победить, а если он будет спешить, то папа непременно расправится с ним, как с Тимохой.

В результате отцу надоело наблюдать за волчьей поступью сына, и он пошел вперед. Натиск Федора был таким стремительным и неукротимым, что Петру пришлось нелегко. Он метался из стороны в сторону, делал волчьи прыжки, пытаясь увернуться от ударов, но старший Опарин продолжал наступать. Сабля в его руке была будто бы живая. Она играла, делала невообразимые движения, запутывая противника и принуждая его сдаваться.

Петр же не хотел сдаваться. Заколдованной замысловатой игрой отцовской сабли, он вдруг встрепенулся, сделал волчий бросок вперед и достал бы Федора, но отцу помогли бой-

цовский опыт и прирожденная ловкость. Сделав шаг вправо, он быстро развернулся и, схватив пробежавшего мимо него сына за шиворот посконной рубахи, бросил наземь. Подставленный к горлу Петра клинок говорил о его полном проигрыше.

– Так, воины. Теперь вы осознали свою слабость? Нечего было канючить: возьми нас, папа, с собой... Нет, братцы, вначале научитесь воевать, а уж потом просите, – довольный собой, проговорил Федор.

4

Угрюмые и пристыженные, стояли сыновья, не смея поднять глаза на отца. В это время мимо опаринского недостроенного забора от приказной избы ехал на коне хорунжий Ефим Верига.

– Смену себе готовишь? Давно пора! Как ребятня-то твоя вымахала! – заметил мужчина.

Федор развел руками. Мол, куда денешься, если в их албазинском войске мало ратных людей.

– Чего ты в такую-то рань на коне? К атаману ездил? – спросил Опарин товарища.

– Да, – кивает головой Верига.

– Дела какие были? – продолжил интересоваться Федор.

– Дела, Федя, дела...

– Ты не забыл о завтрашнем походе? – встревоженно спросил Опарин.

– Да не еду я, Федя. Приболел вот что-то, – ответил Ефим.

– Приболел? В такую отличную погоду? – удивленно посмотрел на него старшина.

– Хворь не спрашивает, какое сегодня число. Приходит тогда, когда и не думаешь, – усмехнулся Верига.

– Это точно. Надеюсь, ты предупредил атамана? – согласился Опарин.

– Как же! Он мне и кое-какие распоряжения дал. Пока, говорит, я хожу – оставайся вместо меня в крепости за старшего.

– Вот как! – удивился Федор.

– Да-да... – погладил бороду Ефим.

– Напрасно, Фима, ты с нами не едешь, а то могли бы погулять, как раньше. Обрати внимание, сколько шпионов везде враги понатыкали. Встретим – вот тебе и кони, вот тебе и оружие. Неужели не завидно? – покачал головой его собеседник.

– Завидно, Федя, но ведь грыжа, будь она неладна, вконец замучила. Я вам только в тягость буду, – сказал Ефим.

– Ты нас возьми, папа! – послышался за отцовской спиной голос Петра.

– Ребята, вон отсюда! Нечего подслушивать разговоры взрослых, – приказал Федор сыновьям.

Понутив головы, те побрели домой.

– Ладно, Ефим, давай, выздоравливай, – сказал на прощание Опарин. – Когда вернемся – должен быть на ногах, а то какой воин с грыжей?

Верига ухмыльнулся и стегнул коня, коротко заметив:

– Поеду к бабке Устинье – говорят, она одна тут грыжу заговаривает.

Однако он не поехал ни к какой бабке, а отправился напрямик в тайгу. Где-то там, в непроходимой чащобе, среди лиственниц и сосен с недавних пор раскинуло свой табор придорожное воровское поселение. Поначалу разбойники особенно не хулиганили, а все присматривались и примеривались. Вдруг пошло-поехало... Теперь дня не проходило без причинения вреда другим людям. Грабили обозы торговцев и промышленников, воровали коней у пашенных крестьян и казаков, которых потом сбывали в маньчжурской стороне. Награбленный же скarb, в том числе скот с лошадьми, отдавали за бесценно русским торгашам. Так и жили.

Эти волки обитали где-то под Иркутском, откуда вскоре ушли на Лену, где и промышляли до тех пор, пока местному населению не надоело нести урон от бандитов. Наслали на них стрельцов и казаков, а те устроили ворюгам взбучку, и если б не главарь шайки, то могла полететь с виселицы уйма голов. Тот взял и увел их на Амур, где был большой простор для их ремесла и где им ничего не грозило. Здесь же находилось казачье поселение. У вольных казаков также имелись прегрешения, поэтому они смотрели на проказы таежных воров сквозь пальцы.

Вдруг атаману Черниговскому пришла в голову мысль переловить этих дьяволов и устроить над ними жесткую расправу. Об этом они узнали от одного казака, который согласился за определенную сумму помогать им.

Речь шла о Ефиме Вериге. Раньше он и на пушечный выстрел не мог подпустить к себе столь отпетых убийц и разбойников, так как сам был серьезным и богобоязненным человеком, а тут с ним вдруг что-то случилось. Он стал не в меру обидчив, часто злился по пустякам, был груб и дерзок с товарищами. Видно, чувствовал себя обделенным в текущей жизни.

Больше всего он злился на атамана. Как ни старался Ефим, Черниговский так и не произвел его в есаулы, не сделал своей правой рукой, а вот Федьку приблизил. За это Ефим и невзлюбил Опарина. Как иначе? Не успел приехать – тут же попал в атамановы любимчики.

Ох и завидовал же ему Ефимка! У того и должность высокая, и баба-красавица, и куча детей, а теперь еще и молодая наложница... Почему одному полагалось все, а другому – ничего? Как-то несправедливо. Если так, то нужно положить конец подобному беспределу. Предположим, если убрать с дороги Никифора с Федькой – вся власть в Албазине могла перейти к нему, Ефиму. Он здесь третий по старшинству, и не просто так ходил в чине хорунжего. Если станет атаманом, то и Наталью Федорову возьмет себе, и красотку-маньчжурку, а еще приберет к рукам все припрятанные Опариним богатства. Помогут Вериге в столь хитром деле разбойные люди, которые в будущем станут его первыми сподручниками.

На них казак вышел случайно. Как-то июньским вечером, обходя караулы, выставленные вдоль ближних дорог, Ефим с двумя казаками попал в засаду. Тех-то упыри сразу уложили из мушкетов, а его взяли в плен.

– Зачем я вам? Возьмите, дьяволы, мое оружие и коня, а меня отпустите... – спрашивал в страхе Верига, когда злодеи тащили его на аркане в свой бесовский табор.

Его притащили чуть живым – избитым, в крови, с мутными от боли глазами, как у пьяного.

Ефима освободили от веревок и поставили на колени. Услышав голоса, из шалаша, скрытого от чужих глаз молодым ельником, вышел какой-то человек в помятом кафтане и мохнатой шапке. Он был невысок и худ, а сплошь покрытое волосами лицо делало его похожим на лешего.

– Вот, атаман, взяли в плен казака... – иронически проговорил детина с длинной косматой бородой и квадратным черепом, который еще там, на дороге, вместе с товарищами завязал Ефима пенькой.

– В плен, говорите? – наклонившись и внимательно всматриваясь в лицо пленного, спросил тот, кто явно исполнял главенствующую роль среди разбойников. – Кто же ты будешь? – обратился незнакомец к Ефиму.

У тогоплыли круги перед глазами. Еще бы! Пленника волокли по земле. Как он еще Богу душу не отдал?

– Ефим я... Верига... Хорунжий албазинского войска, – чуть слышно проговорил Верига. Его слова вызвали громкий смех. Десятка два ворюг стояли вокруг него и весело гоготали.

– Чего смеетесь? Так и есть, – обиженно проговорил Ефим.

Главарь поднял руку, и его люди тут же умолкли.

– Мы тебе верим, казак, только войска-то у вас нет никакого, – усмехнулся он. – Сколь вас там? Сто, двести человек?.. Да разве ж это войско? Мы и не боимся вас, дураков. Чего хотим, то и воротим.

– Точно! – поддакнул злодей с глазами, похожими на шары. – Слышал про Шайтана? Так вот, собственной персоной, – кивнул он на своего тщедушного жоака. – Его теперь вся Сибирь боится, и даже те, что на богдойской стороне.

Ефим взглянул на главаря и удивился. Вроде человек как человек, правда, косматый. Хорошие люди считали его оборотнем. Вроде как бродит по ночам вместе со своими уродами и людей со скотом крадет. Албазинцы не сомневались в вампирской сущности Шайтана, поэтому видели необходимость раскопать его могилу и пробить труп осиновым колом. Только где эта могила? Кто в ней? Бывший упырь. Вот только как его звали-величали?..

– Значит, ты – Шайтан? Слыхали, слыхали – как же не слышать? Помнится, даже азиатский князь Лавкай о тебе говорил. Вроде как ты у него лошадей увел.

– Было дело, – усмехнулся главарь.

– Я давно с тобой хотел познакомиться, – неожиданно проговорил казак.

Шайтан недоуменно посмотрел на него, медленно произнес:

– Чего-чего? Наверное, в плен хотел меня взять и вздернуть на березе?

– Да нет, – поморщился Ефим. – Напротив! Хотел воспользоваться твоей помощью.

Он стал с жаром рассказывать вора́м о том, как его тяготит казацкая служба, как он ненавидит всех казаков, и особенно тех, кто его оскорбляет. Разбойные люди слушали Ефима, не перебивая, а когда он кончил говорить, то бандит с огромными глазами отрезал:

– Не верю я ему! Давай, атаман, я лучше кишки негодяю выпущу. Если отпустим, то он сюда приведет казаков.

Главарь был неглуп и хитер, поэтому, в отличие от многих своих сподручников-дураков, имел возможность посмотреть глубоко в человеческую душу.

– Нет, казак не врет. По его глазам вижу бандитскую природу. Такой же, как мы, а то и хуже, – добавил он. – Видишь, глаза-то какие мутные. Раз такие глаза, значит, с душой не все в порядке. Будет нам служить!

С тех пор Шайтану стали известны все события, творившиеся в Албазине. Вот и сейчас Верига ехал к разбойным людям, чтобы сообщить им о предстоящем отъезде атамана. Еще он собирался попросить главаря устроить казакам засаду, и тогда перебить всех до одного.

«Амур будет наш, – скажет он при встрече Шайтану. – Всех преступников с земли русской соберем и устроим здесь свое царство. Вот уж погуляем на славу!»

5

Распрошавшись с Ефимом, Федор оседлал Киргиза и отправился в Монастырскую слободу. Он думал отыскать мастера в кузнице, а увидел его бегущим по проселочной дороге, мимо череды убогих крестьянских изб. Впереди, с криком и плачем, прихватив руками полы сарафанов, спасались бегством две дочки мастера – Любашка и Варька. Чего они там натворили – лишь Богу известно, но Платон наконец их догнал. Содрав с Варьки плетеный пояс, он начал остервенело хлестать им дочерей. Те визжали на всю слободу, просили пощады. Платон был неумолим, и только рука Федора его остановила.

– Зачем так расходиться, Платон? Неужели твои красавицы прогневали отца? – вырвав из его рук пояс, спросил Опарин.

Тот засопел. Его огромные ноздри, словно кузнечные горны, стали бешено и широко раздуваться, обдавая огнем взлохмаченную рыжую бороду. У Платона был бешеный, хотя, как говорили, отходчивый нрав.

– Красавицы! – передразнил он казака. – Вот выпорю их как сидоровых коз, а потом в темном помещении продержу до утра, тогда не захочется блудить по ночам, – резко закончил мастер.

– Неужели? – усмехнулся казак и поглядел на Платоновых девиц. Те замерли, опасаясь новых ударов от отца.

– Не то слово! – сверкнул кузнец глазами. – Вот вымажут люди нам дегтем ворота – как будем жить? – обреченно спросил он дочерей.

Девушки снова в слезы.

– Не блудили мы, папа, ей-богу, не блудили! Мы лишь на лавочке с парнями посидели, – клялась старшая дочь, шестнадцатилетняя Любашка.

Платон яростно ткнул пальцем куда-то в сторону.

– Не я ли тебя на сеновале вчера вечером с казацким сыном застукал? Забыла?.. – погружаясь в бездну гнева, спросил Платон. Поразмыслив о чем-то немного, он перевел взгляд на Опарина. – Так твой паренек-то был! – сказал он ему. – Развлекаться в Монастырщину с друзьями бегают. Наверное, своих девиц не хватает – вот они к нам...

Федор не поверил Платону.

– Как же мой, когда они с товарищами целыми днями на пустыре сражаются? – недоверчиво заметил Опарин.

– Ты спроси Любку. Она тебе и скажет, – невесело проговорил кузнец.

Федор перевел взгляд на Платоновых дочерей.

– Ты – Любка? – указал он нагайкой на с виду более рослую девушку.

– Я не Любка, я Любаша... Любкой меня папа только в гневе зовет, – сказала та, шмыгая носом.

– Хорошо, Любаша, – согласился казак. – Так скажи мне, Любаша, твой отец говорит правду?

Та кивнула головой и горестно опустила глаза.

– Ничего себе! Кто же из моих? Петр или Тимоха? – удивленно спросил Опарин.

– Петя...

– Да, наш пострел везде поспел, – покачал головой Федор. – Давно встречаетесь? – спросил он Любашу.

– Давно. С прошлого лета. Тогда на Купалу и познакомились, – ответила та и как бы нечаянно уронила на высокую девичью грудь свою тяжелую пшеничную косу, выбившуюся из-под светлого ситцевого платка.

Федор посмотрел на Платона.

– Чего тут дурного, Платон Иванов? Мы ведь тоже были с тобой молодыми. Чего им мешать? Пусть общаются. Надо же когда-то начинать, – сказал он ему.

Платон сжал кулаки и жестко изрек:

– Все равно не дам девкам по сенникам лазать. Не девичье это дело. Вот выйдут замуж – тогда другой разговор.

– Так ты, поди, и с завалинок их гоняешь, – улыбаясь, мирно заявил Опарин. – Где молодым тогда встречаться? – иронически добавил он.

Любаша благодарно взглянула на Федора. У нее синие и лучистые глаза, и крепкая кость. «Такая десятерых моему Петьке родит и глазом не моргнет», – удовлетворенно подумал казак и довольно погладил свою густую светлую бороду.

– Не хотел я девиц рожать, да Бог сыновей не дал, – вздохнул Платон. – Ведь когда сучка в доме, то все кобели вокруг собираются. Ты думаешь, только твой сынок возле нашей избы гуляет? Как бы не так! У нее, – равнодушно кивнул он на Любашу, – этих самых женихов пруд пруди.

– Неправда! Я только с Петей дружу, а остальных и не замечаю, – вспыхнула Любаша.

– Не замечает она! А Захарка, сын Демьяна? Не с ним ли я тебя в прошлый раз застал на сеновале? Чего покраснела? Не так все было? – фыркал ее отец.

У Любаши страх и отчаяние в глазах, и мысль: Господи, что подумает о ней Петин отец?

– Папа, да как ты можешь!.. – в сердцах воскликнула она и тут же бросилась бежать. Варька кинулась за ней.

– Зря ты дочек обижаешь. Ведь это твоя надежда. Кто тебе в старости, кроме них, стакан воды поднесет? – выговорил Платону казак.

– Пока я сам себе и меду налить могу. Еще не старик, – усмехаясь, произнес мастер.

Да, до старости Платону было еще далеко. Его глаза так и светились живостью, ясностью, и лишь иногда затуманивались грустью или же наливались кровью, когда мужчина бывал зол.

И походка у него молодая, твердая, и сам он молод, крепок, словно могучий кедр, растущий у Платона на заднем дворе. Он не любил хвастать силой, но иногда в минуты душевного подъема мог продемонстрировать свою мощь соседям. Брал, к примеру, кочергу и завязывал ее в узел, а потом просил, чтобы кто-нибудь этот узел развязал. После Платон сам брался за дело, и уже скоро кочерга принимала свой обычный вид.

У мастера было вечно опаленное печным жаром строгое лицо и пшеничные волосы. При всем своем богатстве он носил простую одежду. У кузнеца, говорили в народе, раз стукнул – гривна. Летом – обыкновенная посконная рубаха навывпуск и холщовые штаны, а по праздникам – легкие сапоги с нашитыми подпятниками. Зимой – овчина, волчья шапка и ботинки – унты.

– Пошли тогда в кузницу, а то у меня уже мало времени, – сказал Федор Опарин.

Платон недовольно глянул на него из-под лохматых бровей и пробурчал:

– Если нет времени, то зачем тогда примчался? Будешь наверняка торопить, и какая тогда работа?

В отличие от многих своих соседей, ютившихся в ветхих избушках, семья мастера жила в светлой большой красной избе с трубой, хотя они, как и многие здесь, начинали с обмазанного глиной сарая. Прибыли-то на подводах зимой. На дворе лютый мороз, птицы на лету дохнут от холода. Это вам не родная Псковщина, где зимы мягкие и с оттепелями.

Надо было с чего-то начинать. Рубить клеть – занятие долгое. Пока поставишь избу, так вообще вечность пройдет. Мороз крепчал. Кто-то стал отогревать землю кострами и рыть землянки. Другие, в том числе и Кушаковы, решили строить временные жилища, которые и сейчас кое-где стоят как напоминание о трудных временах. Плетневые сараи, овины и крепости и теперь служат людям, выглядывая из-за стоящих вразбежку изб.

– Ты б кваском меня, что ли, угостил. Жара-то вон какая – даже горло пересохло, – въехав во двор и спрыгнув с лошади, попросил казак.

– Марфа, где ты там? – громко позвал жену кузнец. – Дай гостю квасу напиться.

Тут же на крылечке появилась невысокая юркая жена с ковшом в руке.

– Доброго тебе здоровьица, барин, – поклонившись в пояс, произнесла она, чем смутила Федора.

– Да какой я тебе барин! Служивый я, – обиделся он.

Женщина только улыбнулась. Дескать, да вижу я, из каких ты людей.

– Пей, казак, – протянула жена старшине березовый ковш.

Опорожнив его в несколько глотков, Федор вытер рукавом губы.

– Хорош квасок, ядреный. Были б родней – каждый день мог им угощаться, – сказал Опарин.

Марфа улыбнулась, а вот Платон, напротив, нахмурил брови.

– Ладно, пойдем дело делать. Сам говорил, времени у тебя в обрез... – буркнул он.

Платонова кузня стояла в конце большого двора, огороженного крепостью из вертикально поставленных бревен. Он ее срубил еще прошлой весной из лиственных насаждений. В

центре просторной кузни, прямо напротив большой двери, стоял горн с широким челом, поддувалом и мехами. Под горном – вытяжной зонт для сбора и отвода дыма из листового железа. Рядом – наковальня, тяжелый молот, клещи и несколько молоточков. Ближе к двери – станок дляковки лошадей. В дальнем правом углу – грудаметалла. Кольца кольчужные, обломки железных лат, сломанные клинки, развороченные стволы пищалей... У слюдяного окна, под верстаком, все было готово дляковки: долото для выбора пазов разной формы и величины, мотыги, кирки, скобы, штыри, гвозди, подковы... Была и холоднаяковка – разная утварь, посуда, металлические оклады для икон. В слободе мастеров, подобных Платону, не было, поэтому он работал и как кузнец, и с иными материалами.

– Давно с молотом-то дружишь? – наблюдая за тем, как Платон старательно раздувает мехами огонь в печи, спросил его казак.

– С детства, – сухо произнес кузнец. – Давай, помоги! – попросил он казака, протягивая ему клещи, в которых был зажат извлеченный из горнила кусок раскаленного металла. – Положишь железо на наковальню и будешь держать, пока я буду по нему стучать.

– Кто тебя учил этому ремеслу? – крепко держа в руках клещи, продолжил интересоваться Опарин.

– И дед учил... – умело работая молотком, произнес Платон. – И отец учил... Это у нас семейное. Мы и с выварными горнами работали, и с вагранными, с укладными и клинными тоже. На разделительных приходилось трудиться...

– Это еще что такое? – не зная премудрости кузнечного мастерства, спросил Опарин.

– Как? Брат, дело серьезное. Здесь уже не с простым железом, а с серебром дело имеешь. От руды его очищаешь, понятно?

– Разве что чуть-чуть, – признался казак. – Я слышал, под Нерчинском серебряную руду нашли. Не хочешь поехать?.. Хотя нет, мы тебя не отпустим. Больше-то у нас нет мастеров по броне. Да и пазники с подковами кому-то нужно делать. Ведь без вас, кузнецов, как без рук.

– Вот и я говорю о том же, – согласился Платон, вытирая потные руки о кожаный фартук. – Жаль, нет у меня сыновей для продолжения дела. Не девицам же своим молот в руки давать.

Он вздохнул. Видимо, этот вопрос сильно мучил Платона.

– Ты возьми любого из моих бездельников-подростков и научи их своему ремеслу. Того же, к примеру, Петра, – неожиданно предложил Федор.

– Нет... Твои – казаки, а зачем казаку мужицкое ремесло? – ответил кузнец, качая головой. – Я уже и присмотрел тут одного... Сынок Демьяна Рыбакова, Захарка. Демьян-то давно просил взять его в подмастерья. У самого пять сыновей, поэтому никто и не заметит его отсутствия.

– Как знаешь. Мог бы и моего взять, – повел плечами Опарин.

– Двоих их нельзя держать вместе. Они ж и без того постоянно дерутся... – смахивая рукавом рубахи пот с лица, произнес Платон.

– Чего? – не понял казак.

– Как же – из-за моей Любки. Все никак поделить ее не могут.

Больше они в тот день этого вопроса не касались. Если говорили, то о пустяках. Когда же Платон закончил работу, Федор расплатился с ним серебром и ускакал к себе в поселение.

Глава седьмая. Темные ночи

1

Оставив за себя старшим в крепости Ефима Веригу, Черниговский рано утром увел свой небольшой отряд в двадцать сабель в поход.

– Чего, Тимоха, пойдешь со мной вечером в слободу? – проводив отца, спросил брата Петр.

– Чего я там забыл? – ухмыльнулся Тимофей.

– Как чего? Девиц будем лапать. У моей Любашки сестра есть, Варькой зовут. Уж такая красавица ослепительная! Глянешь – и тут же влюбишься, – уговаривал брата Петр.

– Всех красавиц не перецелуешь, – равнодушно проговорил Тимоха, лениво зевнув.

Петр начал злиться.

– Тебе старший брат чего говорит?.. Вот и не упорствуй! – строго глянул он на Тимоху. – Тут ведь еще вот какое дело... Слободские не слишком нашего брата жалуют. Видел меня с синяками?.. То-то же... Вдвоем мы – сила. Возьмем с собой по крепкой сосновой палке – и пусть только сунутся!

– Ну, если помочь, то я согласен, – сказал брат.

Что и говорить, не в отца пошел Тимофей. Петр все по девицам бегает, а этому что они есть, что их нет. Он больше любит подраться, поиграть ножичком и постоять в воде с удочкой. Когда река мелела, он мог целыми днями лазить с рыболовными снастями по отмелям, собирая со дна всю мелочь. Когда подрос, стал промыслять рыбу вместе с казаками, запасая ее на зиму. Ставили сети, черные снасти-самоловы с крючками, переметы на живца. Река-то полна рыбой. Так до Семена-дня, пока вода в реке не остынет, и рыба не ляжет зимовать в ямы.

Однако и зимой рыбакам не сиделось дома. Тут были свои премудрости ловли. Тимоха с детства знал, какая снасть для чего годится, будь то лето или зима. Знал, что в зимние холода лучше всего рыба ловится там, где хорошее течение. В спокойной реке оно не так, а вот в больших, глубоких водоемах, прудах и озерах и того хуже. Там подводная жизнь почти останавливалась до прихода весны.

Все же даже в разгар глухозимья рыба не переставала гулять в поисках пищи, хотя и не так живо. Для того чтобы ее поймать, нужно хорошо знать повадки рыбы. Зимой ее надо искать возле подводных родников, впадающих речек или ручьев и на больших перекатах. Живца же можно словить и под самым берегом, даже в тех местах, где воды между льдом и дном меньше четверти аршина.

Тимоха с наступлением холодов любил ставить снасти там, где под толщей льда находились свалы и коряжник, а также на перепадах глубин. Там ему больше всего везло на крупную рыбу. В места, где на дне были отмирающие водоросли, он не ходил. Рыба этих участков избегала, потому как старая трава только и делала, что поглощала воздух, которого зимой и без того в воде недостаток.

Тайга тоже влекла Тимоху. В студеную пору он ставил ловушки – петли на зайца и давящие капканы на мелкого зверька, а бывало, что взрослые брали его и на коз, а то и на медведя.

Все же больше всего Тимоха любил реку. Вот и сегодня он хотел вечером бросить сачок, но вместо этого ему придется пешком ковылять в слободу. Были бы хоть кони, но где их взять? Тут не у каждого взрослого казака-то они имеются, а которые есть – все при деле. Не пора ли им с товарищами вместо обязательств за Амур прогуляться? Там, говорят, на каждом шагу рыщут конные маньчжурские разъезды. Глядишь, и вернулись б домой. Главное – не робеть...

...Как только начало вечереть, братья, прихватив на всякий случай по увесистой палке, отправились в Монастырскую слободу. По уговору, Любашка должна была ждать Петра в небольшом лесочке, за крайним тыном, но ее там не оказалось.

– Забыла об уговоре? Может, чего случилось? – удивился Петр.

Решили еще немного подождать. Вдруг придет? Стали прислушиваться к каждому звуку.

Вот со стороны слободы донесся до них собачий лай. Это псы ругались на коров, которых пригнали с пастбы.

– Ычь! Ычь! – кричал пастух и звонко хлопал плетью.

Следом послышался голос какой-то хозяйки, кликавшей своих гуляющих по улицам свиней:

– Чух-чух-чух! Чух-чух-чух!

Слободские жили хорошо. И овчарни здесь у них есть, и коровники с бычками и стельными коровами. Есть даже в одном дворе бычок, который гордо носил кличку Князец.

Ветряная мельница здесь недавно появилась, причем построенная по всем старым правилам. Правда, пока жернова ее не притерлись, поэтому помол выходит чересчур грубый. Зерно со всей округи по-прежнему везли к монахам. У тех хоть мельницы и небольшие, но зато хорошо работали.

...Когда братьям надоело ждать, они решили идти на разведку. Главное – не нарваться на Любашкиного отца. Тот, как казалось Петру, недолюбливал его, и даже на его приветствия не отвечал. Глянет порой исподлобья, тут же пройдет мимо. «В чем же, интересно, я провинился перед ним?» – думал парень, но спрашивать коваля не решался. Вдруг рассердится... С ним шутить – себе дороже. Рука у него тяжелая, как молот. Хряснет – мало не покажется...

На счастье, Платон в это время работал в кузнице. Братья поняли, когда услышали, как тяжело ухает где-то в глубине двора молот. Подал условный сигнал – а это была трель, похожая на соловьиную, – Петр стал с нетерпением ждать. Скоро скрипнула калитка, и следом показалось Любашкино лицо.

– Мы к вам... – широко улыбнулся Петруха, показывая два ряда крепких молодых зубов.

– Тише! – испуганно поднесла палец к губам Любаша. – Папа вчера меня так лупил, так лупил. Я чуть было чувств не лишилась... Вот и Варьке из-за меня досталось.

– Это из-за того, что он на сеновале нас застал? – спросил парень, от удивления выпучив глаза.

– Да...

– Так не будем больше туда лазить. Мест, что ли, мало? – сказал Петр.

Любаша покачала головой:

– Папа сказал, если еще раз увидит нас с тобой, то обоим не поздоровится. Уходи, Петя, уходи! Не надо, чтобы он нас снова увидел вместе.

Петр в растерянности. Смотрит на брата, а тот отвернул свою морду в сторону и только ухмыляется.

– Никуда я не уйду! – неожиданно заявил он. – Ты думаешь, я твоего отца боюсь? Да плевал я!.. Знай, казаки никого не боятся. Давай, вызывай Варьку. Хочу брата Тимоху с ней познакомиться.

Брат был человеком стеснительным, несмотря на свою внешнюю бравладу. Всегда губу поджимал, когда с ним заговаривала какая-нибудь девка, а то и покраснеть мог.

– Да я... – заморгал глазами Тимоха, но голос Петра остановил его.

– Цыц! Здесь я команду... Чего, Любашка, стоишь? Дуй за сестрой.

Любаша, поддавшись Петрухиным уговорам, уже было хотела бежать за сестрой, но тут раздался громкий свист, и следом из-за плетней показалась босоногая ватага, которой верховодил известный деревенский хулиган Захарка Рыбаков.

Это был кряжистый паренек, одетый в посконную рубаху навывпуск и закатанные до колен штаны. Рыжая голова его была похожа на кусок сена. Раньше и Петра с Тимохой папа так же стриг. Наденет на голову горшок, и давай ножницами кромсать волосы вокруг головы. Теперь же они казацкие дети, а тем позволено носить пышные шевелюры. Скоро, глядишь, и бороды отрастут, но пока лишь пушок покрывал их розовые мальчишеские скулы.

Слободские остановились поодаль и, лузгая семечки, стали нахально глазеть на чужаков. Братья сделали вид, что не замечают их.

– Ты иди, Любаш, чего встала? – сказал Петр, а у самого голос дрожал от волнения.

– Еще чего! Вы ж тут же драться начнете, – сопротивлялась девица.

– Эй, мурло, иди сюда! – неожиданно послышался Захаркин воинственный голос. Петр понял, что это он к нему обращается, но даже ухом не повел.

– Вот дуралей, стоит, раскорячившись, а ничего не понимает, – возмущался Захарка. – Говорю тебе, подойди сюда, а то хуже будет!

– Отвали! – зло огрызнулся Петр, а тот уже разошелся. И так его заденет, и этак. Тогда Петр не выдержал. Разве стерпишь, когда тебя оскорбляют в присутствии твоей девушки? Он повернулся и, помахивая палкой, пошел на обидчика.

– Чего тебе от меня надобно? Я тебе мало по носу бил? – подойдя вплотную к Захарке, спросил Петр.

– Чего? Это надо еще поглядеть, кто кому ее бил! Ты лучше паяло свое закрой, не то прямо сейчас получишь, – затрясся в ярости Захар.

– Ты меня не пугай! – наступал Петр.

– Короче, так, казак... – процедил Рыбаков. – Забирай своего брата и дуй отсюда! И помни: если еще раз увижу тебя здесь, – прибую.

– Завтра... Сегодня струсил? – вспыхнул Опарин.

– Чо?!

– Да ничо! Кишка, говорю, у тебя тонка! – горячился Петр.

Серые Захаркины глаза постепенно наливались кровью.

– Парень, да ты идиот! Ничего не слушаешь, – сжал он кулаки. – Чего стоите? – закричал Рыбаков товарищам. – Давай, бей его! – закричал парень и бросился на Петра.

Казацкий сын даже глазом не успел моргнуть, как очутился на земле.

– Тимоха! наших бьют! – закричал он брату.

Тот летел ему на выручку, размахивая палкой. Завидев его, босоногая команда дунула врассыпную. Этим воспользовался Петр. Вскочив на ноги, он бросился с кулаками на Захарку. Завязалась драка. Петр был чуть повыше и покрепче, но его противник шустрил, ловко уходя от ударов Опарина, а при удобном случае и сам бил кулаком. Тут и товарищи подоспели. Тимоха попытался помочь брату, но куда против такой оравы? Вырвали из рук дубинку и тут же врезали по зубам.

– Брат, давай, держись! Я с тобой! – умываясь кровью, закричал он Петру.

– И ты держись! – продолжая изо всех сил работать кулаками, ответил ему брат.

Их крики и вопли слышала вся слобода. Самые любопытные выбежали на дорогу и с интересом наблюдали за дракой.

– Гады! Только толпою и можете!.. – кричал Петр. – Слабо рискнуть один на один?

Впрочем, кто его слышал? В таком пылу про все на свете забываешь, видя только цель...

С ужасом наблюдавшая эту сцену Любаша не выдержала и побежала за отцом. Боялась, что слободские убьют ее Петю.

– Кончай буянить! Силу некуда девать?.. Вот сейчас как оттяну вожжами – будете знать! – уже издали кричал Платон.

Слова кузнеца потонули в общем гвалте побоища, и тогда он принялся растаскивать петухов. Кое-кому из самых драчливых пришлось даже по шеям надавать. Особенно сопротивлялся

Петр, который все пытался добраться до Захаркиной рожи. Уже и куча-мала рассеялась, а он продолжал размахивать кулаками и браниться. Тогда Платон схватил его за шкурку и притянул к себе.

– Эх, ты! Отца-казака позоришь... Иди отсюда, и чтобы я тебя больше не видел! – в запале прошипел он ему в самое ухо. – Помни, со мной шутки плохи. Я тебе покажу, как на чужой улице кулаками махать.

– Папа, он же не виноват! Не он затеял драку... – пыталась заступиться за Петра крутившаяся здесь же Любашка, но тот зыркнул на нее сердито, и она замолчала. Отойдя в сторонку, девушка с неукротимой бабьей жалостью смотрела на своего Петрушу, у которого все лицо было в крови. Да и брата его, Тимоху, Любашка жалела. Тому не меньше досталось.

– Ладно, мы пошли... – напоследок недобро взглянув на обидчиков, произнес Петр.

– Пока, казак! Мало мы тебе наподдали! Надо б было еще больше, – нахально взглянул на него Захарка.

– Ничего, мы еще встретимся! Наш папа говорит: это гора с горой не сходится, а горшок с горшком уж точно когда-нибудь столкнутся, – угрожающе произнес Опарин, сплюнув кровавую слюну.

– Давай-давай, топай! Придешь – снова получишь, – победно посмотрел ему вслед соперник.

– Петенька!.. – неожиданно подала голос Любаша. – Тебе очень больно? – глядя на то, как тот волочил поврежденную ногу, спросила она и тут же получила от отца затрещину.

– Иди в дом! – приказал он ей. – Ты, – строго обратился он к Захарке, – чтобы завтра утром был у меня в кузнице. Хватит бесцельно шататься по улице – пора делом заняться. Не передумал?

– Хорошо, дядька Платон! Завтра и приду... – произнес Захарка и многозначительно посмотрел на Любашу. Мол, теперь-то я всегда буду рядом с тобой, а вот Петьке твоему дорога в слободу заказана...

2

Почти целый день Черниговский со своим людьми провел на Симоновском поселении. Прибыли туда в полдень, а двory пусты.

– Где люди-то? – спросил атаман сидящего на лавочке древнего старичка с белой как снег бородой.

Тот подслеповато прищурился, пытаясь рассмотреть пришлых. Когда понял, что это не какие-то враги, а свои, казаки, сказал:

– Так ведь все на косьбе. У нас как говорят? Петров день замаячил – налаживай, мужик, косы и серпы.

Трудится, значит, народ, удовлетворенно отметил про себя атаман. Это хорошо.

– Как вам тут живется? – слезая с лошади и беря ее под уздцы, поинтересовался атаман. – Может, обижает кто?

Дедок призадумался.

– Как тебе сказать... – опершись руками на сучковатый батог, как-то неопределенно ответил он. – Всякое бывает. То преступники из лесу с ружьями выйдут и весь запас отберут, то эти басурмане...

– М-да, – задумчиво проговорил Никифор. – Что преступники – плохо, а что басурмане – и того хуже... Часто они вас беспокоят? – решил спросить он.

– Чего? – не расслышал старик и потянулся к атаману ухом.

Как понял Черниговский, от этого старого глухаря мало толку.

– Говорю, в какой стороне ваши сенокосы?

– А-а... Зачем тебе? – протянул старик.

– Хочу тут с народом потолковать. Может, какие просьбы у людей имеются. Сколько у вас тут народу? Две, три семьи? – пояснил казак.

Оказалось, все четыре, при этом одной фамилии – Симоновы. Отсюда и Симоновское поселение.

Прибыли они прошлой весной на подводах, откуда-то из-под Новгорода. Наскоро срубили избы, соорудили вокруг будущей пашни поскотину из жердей, поставили жилище для лошадей, покрыв его сверху травой, и стали готовить привезенные с собой орудия для сева и зерно. У русских ведь как? Есть баба, квашня и топор – уже деревня.

Земля в этих местах не ахти какая – сыроматерая, нерушенная. Ни песка тебе, ни камня, а то и глина сплошная. Одним словом, худородная. И немного ее здесь. В основном болота, торфяники, заливные луга и ельники. Потому и пространство для пашни вышло разбойное. Там, где были сухие и без частого кустарника места. Глянешь – то там клочок земли, то в другом месте полоса...

Зато тут такое приволье! Все нехоженое, нетронутое. И эти поляны с цветами, и луг, и подступающая к ним стеной тайга. Такого в их краях не было. Там каждый клочок земли на вес золота. Тут же бери ее – не хочу. Разве не жизнь? Хотя, говорят, вниз по Амуру оно еще богаче. Правда, тайги там нет, зато немерено полей с плодородной землей. Вот где пашенному развернуться! Впрочем, там пока жить опасно. Здесь проклятые маньчжуры житья не дают, а ниже по Амуру – тем более. Считай, целое войско стоит возле их новой крепости Айгуня. Вот эти змеюки и совершают набеги на русский берег, и попробуй, останови их.

Землю Симоновы готовили основательно. В первый год сделали несколько пропашек для поднятия целины, после чего тщательно боронили ее, пока не превратилась в пух. Только потом стали сеять понемногу. Посеяли рожь, пшеницу и овес. Год выдался скупой на влагу, поэтому и урожай не порадовал. Вот так: сеяли рожь, а жнем лебеду, вздыхали Симоновы. Без хлеба они не остались, хотя и пришлось себя урезать всю зиму.

Хотели попытать счастья на озимых, но люди с соседней заимки отговорили. Мол, тут ржаной посев не пройдет – только яровой.

В этот раз решили сеять пораньше, пока земля еще не обсохла. Боялись, морозом прихватит посевы, а пронесло. Те пошли в рост, и теперь только надежда на то, чтобы дожди не зарядили и не залили пашню. Говорят, тут так: в один год солнце убьет урожай, в другой – вода. Весенних половодий, как на Руси, тут не бывает, зато ближе к августу вдруг заплачет небо, а следом и Амур, выйдя из берегов, разбежится по пойме. Тогда какой уж тут урожай? Бывают и хорошие годы, когда и солнца в меру, и влаги – вот тогда пашенным приволье!

Сеять шли дружно, всем гуртом, и брали с собой даже маленьких ребятишек. Идут, бывало, песни распевая. Весело! Впереди всех – подростки, которым не терпится поскорее добраться до места. Следом – бабы с детьми на руках, далее – телега с семенным зерном в мешках, а по обеим сторонам – взрослые мужики, один из которых вел под уздцы лошадь.

Замыкали шествие старики, которым Бог еще дает возможность двигаться. Могли бы дома сидеть, но куда от крестьянской привычки денешься? Сев – начало всему. Это тебе и работа, и праздник в одном числе. Время надежд и испытаний. Ведь говорят же: что посеял, то и пожнешь.

Сеяли в две горсти, проходя по загону дважды с краев. В основном мужики и подростки трудились севальщиками. Повесят себе на шею сумы и корзины из лозняка с зерном, а потом идут неторопливо полем, клочьями сена бросая семя на еще влажную землю. В это время женщины тоже работали. Одни обед для работников на костре готовили, а другие камни и мусор с пашни убирали. Короче, всем хватало работы.

Засеменив поля, устраивали небольшой праздник. Садились кружком на траву и хлебали из чашек щи, потом шла пшеничная каша с коровьим маслом, которую запивали ядреным квасом.

Когда появлялись всходы, требовалось освобождать поле от сорняков. Чаше речь шла о полыни или кислице, которую выламывали и выносили на межу. Еще существовали огороды, скотина, другие хозяйственные дела. Ленишься не приходилось, и для детворы находилось дело. Они целыми днями пропадали на выпасах. «Ычь! Ычь! Ычь!» – где-то вдалеке звучали звонкие голоса ребятни, сопровождаемые хлесткими хлопками пастушьих плетей.

Теперь вот подошла сенокосная пора, и весь род Симоновых трудился на покосах. Вставали рано, чтобы косить по росе, и, наскоро позавтракав, брали в руки большие и маленькие косы, спеша на сенокосные угодья. Тяжелая жизнь, но ведь поле муку любит!..

...Поплутав по лесной дороге, казаки наконец вышли на простор. Вокруг луга в цветах, полянки среди ельников и небольшие пашни.

С Петрова дня зарница хлеб зорит, увидев желтеющий хлебный клин вдоль дороги, вспомнил Никифор слова своего покойного отца-землепашца. Такая трепетная любовь к земле передалась и его сыну, только не суждено ему было стать хлеборобом.

– Не обманул старик! Смотри-ка! – указывая рукоятью нагайки куда-то вдаль, сказал атаману Мишка Ворон.

Точно. Выбравшись из зарослей лещинника, казаки увидели невдалеке косарей, которые, встав рядком, проходили косами поле. Поодаль трудились бабы, сгребавшие деревянными граблями подсохшую траву в валики и складывали в копны. Один лабазник, без примесей осоки.

– Эх, хорошо работают, черти! Хотел бы я на их месте быть, – глядя на косарей, восхищенно проговорил атаман.

Он не лукавил. Никифор всю жизнь мечтал иметь собственное поселение и заняться хозяйством, и у него всегда чесались руки, когда он видел работающих в поле крестьян.

– Так, атаманушка! Меняй свою строевую лошадь на клячу, и дуй в пашенные! – издевался его сподручник Игнашка Рогоза.

– Да кто ж мне даст-то? Чай, государеву волю выполняю – границу русскую стерегу. Вот уж когда дадут отставку, тогда... – вздохнул мужчина сокрушенно.

Увлеченные работой пашенные даже не заметили, как подъехали казаки.

– Здорово, что ли, мужики! – громко крикнул атаман.

Косари оставили работу и, глянув с любопытством на прибывших, поклонились им до земли.

– И вам всякого здоровьица, – за всех ответил стриженный под горшок крепкий мужик, одетый в мокрую от пота рубаху.

По правую руку от труженика работал такой же крепкий и похожий на него паренек.

– Смотри, какой быстрый! Твой, что ли? – указывая на белобрысого, спросил косаря атаман, а тот лишь стоял и широко, по-крестьянски улыбался.

– Мой! Еле успеваю за ним. Молния! – ответил мужик не без гордости.

– Как зовут?

– Его Колькой, меня – Андрияном...

– Отлично, – шевельнул усом атаман.

Он слез с лошади и окинул взглядом угодья. Эх, какое приволье! И тишина... Кажется, слышно, как трава растет. Вот в такую же пору они когда-то с отцом и дедом выходили на покосы. Травы высокие, налитые – так и брызжут, так и брызжут соком на острые лезвия кос... Память возвращает его в далекое детство: палящее солнце, духота; темные полукружья пота на рубахах косарей, и душистый запах сена! Разве с ним что-то сравнится?.. Потом эти медленно ползущие пышные возы, оставляющие за собой по дороге клочки зеленого сена, которые так

аппетитно подбирает мягкими губами из пыли тянущееся на закат стадо... Вечером – парное молоко, вобравшее в себя весь аромат июньских трав. Пьешь его, и всю дневную усталость как рукой снимает...

Воспоминания детства и пьянящие травяные запахи так подействовали на атамана, что он не смог устоять от соблазна взять в руки косу и пройти с нею по полю.

– Слышите, мужики, может, чуть отдохнете? – неожиданно обратился Никифор к косарям. – Мы с товарищами поработаем за вас, а то в седле сидеть быстро устаешь, вот и хочется спины поразмять... – добавил он.

– Эх, забодай меня коза!.. – пытаюсь удержать на месте молодого горячего жеребца, воскликнул Игнашка Рогоза. – Давайте, мужики, соглашайтесь, если сам атаман Черниговский вас об этом просит!

Те лишь спокойно пожали плечами.

Атаман слез с коня и, отдав поводья своему порученцу Макейке Волошину, принял из рук Андрияна косу.

– Ну а вы? Давайте, тоже слезайте с коней... – обратился он к своим товарищам.

Несколько казаков тут же последовали его примеру, те же, кому не достались косы, отвели лошадей в тень – к небольшому березовому островку, зиявшему посреди покосов, где, сидя на траве, кормили грудничков две молодые матери.

Перед тем как начать работу, Никифор оглядел поляну.

– Не рано ли, мужики, косьбу начали? – неожиданно обратился он к косарям. – Вроде и трава еще не встала.

– Это она от жары такая. Косить надо, пока еще она не семенится, – говорит Андриян.

– Если так, то с Богом... – произнес атаман, покрепче сжав косу и сделав пробный укос. – Что-то она у тебя как мертвая, – легонько проведя пальцем по лезвию, деловито произнес он.

– Только что правил, – оправдывался Андриян.

– Э, нет, – покачал головой атаман. – Так дело не пойдет. Давай оселок, – попросил он мужика, и тот вынул из кармана точильный камень.

Поставив косу на пятку, Никифор несколько раз дернул ее брусом.

– Вот теперь дело пойдет, – произнес он и передал точило товарищам. – Давайте, и вы поправьте косы.

Людам все это было не внове. Они наравне с пашенными когда-то и хлеба растили, и скот держали, но позвали их ратные дела, и они бросили все и подались на Амур. Тут уже кое-кто из них не вытерпел и взялся за соху. Подняли целину, пашни и огороды разбили, наполнили дворы всякой живностью. Специально для этого гуляли за Амур, где покупали у восточных и юго-восточных азиатов все, до последнего цыпленка.

Встав рядом, прямо как заправские косари, казаки начали валить траву.

– Эх, забодай меня коза! – сделав очередной широкий взмах косой, выразил свое удовольствие Рогоза.

– Давай-давай, казачки, не подкачай! Люди думают, мы только саблями и умеем махать.

– Точно!.. – послышался голос Мишки Ворона.

– Уж куда точнее!.. – усмехнулся старшина. Тот был человеком посадским, но и ему приходилось в молодости браться за косу. Родители держали корову, и каждое лето Федька с отцом ездили заготавливать сено. Там, вдоль Москвы-реки, были богатые луговые покосы. Можно сказать, великое разнотравье.

Долго они трудились, пока не выбились из сил. Первым не выдержал Игнашка.

– Все, казаки, я сдох... – пробормотал он.

– Больно быстро... – утирая рукавом пот со лба, сказал атаман, но тот лишь хмыкнул.

– Я же служивый, больше по другой части... – тяжело опускаясь на траву, устало произнес Игнашка.

– Ага, как те птицы небесные... Это они не пашут, не сеют, а сыты бывают... Не совестно? – сделав взмах косой, сказал атаман.

– Да и ты, Никифор, пока не в мозолях, а вот вкусно пожрать любишь, – усмехнулся собеседник.

– Какой казак пожрать-то не любит? Я вот тоже люблю... – делая очередной взмах косой, спросил Мишка.

– Все, кончай работу! Поразмяли немного спины, и хватит. Нам ведь еще нужно с народом потолковать – и в путь, – неожиданно остановил казаков атаман.

Подхватив косы, казаки поторопились в тень. Под солнцем долго не наработаешь, а оно, поднявшись над горизонтом, жарит так, что жилы лопаются, поэтому и для косьбы только утро и годно, а днем лучше сидеть в тени и пить квас.

Храпели от жары лошади. Бросив щипать траву, они полезли в тень.

– Потерпите, милые, сейчас поговорим с людьми, тогда-то и поведем вас на водопой, – ласково обратился к ним атаман.

Разговор с пашенными получился толковый. Те рассказали казакам о своем житье-бытье. На жизнь не жаловались – знали, мол, куда ехали. Вот только злых людей здесь тьма тьмущая. Так и норовят тебя ограбить. Возьмешься за топор или за другое оружие – тут же пулю схлопочешь.

– Нам бы какое-никакое орудие – сами тогда могли с этими бесами справиться. Мужиков у нас хватает, а ведь есть еще и дети. К примеру, у меня, кроме Кольки, еще пятеро сыновей, – произнес Андриян.

– Хорошо, – кивнул головой атаман. – Чем скорее мы заселим эти земли смелыми да сильными людьми, тем лучше. Маньчжуры ведь не слишком нас боятся. Мы их пытались испугать несметной силой, а тут видят, и нет этой силы. Вот и жгут нас, вот и убивают и уводят в плен. Смотрите, как бы и вас тут не подожгли.

– Да, дела-а. Вот я и говорю, орудьишко нам нужно... – медленно протянул Андриян.

– Зачем просить? Надо самим его добыть! Я даже знаю, как это сделать... Устроим в лесу засаду – вот тебе и орудия, – вступил в разговор Колька, Андриянов сын.

Никифор с интересом посмотрел на парня.

– Умный он у тебя, – сказал мужчина Андрияну. – Я б его к себе в войско забрал, но вам самим руки нужны... С орудиями решайте сами. У нас тоже его не ахти сколько, а напротив нас, прямо на той стороне Амура, стоит огромное войско. Тоже думаем, как быть. Царь-батюшка не спешит нам помогать. Уж сколько просили его прислать к нам хотя бы парочку стрелецких дружин – не шлет. Дань, видишь ли, велит собирать для казны... Неужели думает, что горстка храбрецов остановит богдойцев? Не остановит! Вот мы и нашли другой путь. Заманиваем к себе гулящих людей и делаем из них военных людей. Трофеи же берем у врага... И коней, и оружие, и многое другое. Прав твой Колька: нужно самим думать. Если война – бегите в тайгу, а лучше к нам. Ратные люди всегда требуются...

3

...Братья возвратились домой хмурые. У одного глаз заплыл, у другого губа рассечена и ногу еле волочил.

– Где это вы были, окайнные? Никак кто побил? – всплеснула руками Наталья.

Сыновьям и врать не хочется, и правду говорить стыдно.

– Да так... Баловались с дружками на пустыре... – пытался юлить старший.

Мать покачала головой.

– Им пора жениться, а они еще никак не могут наиграться. Вот приедет отец – он уж вам задаст. Хотя... – Женщина махнула рукой. – До вас ли ему сейчас, когда у него растет маленький азиат? Не любит он вас, давно не любит... Да и любил ли он вас когда?

– Любил, мамань, любил! И теперь любит! – вступился за отца Тимоха.

– Ага, жди!.. Если бы любил, не сбежал б от вас на Дон. И тут вместо общения с детьми он вечно пропадает у своей узкоглазой. И тут его нету... – начала распаляться Наталья, как обычно, когда речь шла о сопернице.

– Мама, так он же в поход ушел... – говорит Петр.

– Вот-вот... Поехала кума неведомо куда, – лишь тяжело вздохнула Наталья.

Братьев такие разговоры сильно огорчали. Наскоро поужинав приготовленными матерью сладостями, они выскочили из дому и побежали к реке. Там по вечерам собиралась молодежь. Играли в побегушки, горелки, ловушки, рассказывали друг другу всякие небылицы. Про тех же леших и всякую другую нежить, пугающую по ночам людей.

Вот и на этот раз, наигравшись вдоволь, ребята сели кружком у костра. Девушки, парни. Сидят, болтают, подтрунивают друг над дружкой, а тут еще вдруг разговор о маньчжурах зашел. Неспроста. В последнее время те все чаще стали нападать на русские селения, грабя и убивая людей.

– Слышишь, Петруха!.. Ты вот скажи нам, пойдет маньчжур на нас войной? – обращается к Петру длинный и худой, как кишка, Костка Болото.

– А откуда мне знать? Я, чего тебе, маньчжурский чиновник? – удивился парень.

– Я слыхал, пойдет... Все наши казаки только об этом и толкуют. Вот и батька мой, когда спать ложится, саблю возле себя кладет, – сказал парень.

Петр ничего не ответил, а лишь, взяв хворостину, стал ворошить угли в костре.

– Гляньте, гляньте!.. Никак кто-то к нам топает... – пытаюсь разглядеть в сумерках бегущего берегом человека, сказал Костка. – Может, Митяй? Он ведь рассказывал, что пойдет к Демидовской косе ставить капканы.

Точно, это был рыжий Митяй.

– Эй!.. Эй, братишки!.. Послушайте, что я вам скажу!.. – еще издали шумел он.

Митяй, весь какой-то встрепанный и запыхавшийся, подлетел к костру. Махал руками, пытаюсь что-то сказать, но от волнения или же от быстрого бега у него перехватило дыхание.

– Там... – наконец выговорил он, указывая на закат, – воровские людишки коней через реку хотят переводить. Побежали, отобьем табун!

Товарищи внимательно посмотрели на Петра – вожака, который был лидером среди казаков.

– Да ладно свистеть-то! Какие еще воровские люди? – сказал Петр.

– Врет он, врёт! Признайся же, Митяй, врешь... – загомонил сидевшая вокруг костра молодежь.

– Врать – не мякину жевать. Не подавишься, – с усмешкой заметил Петр.

– Богом клянусь, Петь! Я их как тебя видал... Вместе с конями... Тогда ведь еще было светло, – крестился Митяй.

Петр хитро посмотрел на него.

– Что ж они до сих пор-то не перегнали этих коней? – с ехидцей спросил вожак.

– Видно, подмогу ждут с этого берега... Товарищей своих, – не растерялся Митяй. – Ей-богу, Петь! – снова крестился он.

– И все равно я тебе не верю, – продолжая ворошить уголья в костре, произнес Петька. – Если б это были вору, их давно наш дозор мог заметить и поднять тревогу, а тут тишина.

– Сам дивлюсь, – пожал плечами Митька. – Ведь был дозор-то... Старший почему-то быстро его увел. Хотя, мне думается, он видел преступников. Долго так смотрел на ту сторону... Знаете, кто это был? Хорунжий Верига.

– Верига? И что, он тебя видал? – так и обомлел Петр.

– Не-а, я в траву спрятался... – шмыгнул носом Митяй.

– Чудно все это... Не было, а сказка какая-то, – протянул Петр.

– Эх! – начал злиться рыжий.

– Брат, может, и впрямь Митька не врет? – подал голос Тимоха.

– Может, и не врет, но только отчего ж это он к нам-то побежал вместо того, чтобы поднять на ноги весь гарнизон? – подозрительно посмотрел на рыжего вожак.

– Ты не понимаешь?.. Да ведь я хотел добыть нам коней, – сказал Петька, даже сплюнув в раздражении от досады.

– Нет коня – нет казака... Не твои ли это слова, а, Петьк?.. – задумчиво заметил Митяй, потоптавшись на месте, и вдруг заявил: – Смотрите... Не хотите иметь своих лошадок – так и быть, пойду поднимать гарнизон. Сбегут тогда преступники.

Казачьи дети примолкли. Сидели и ждали, что скажет им Петька.

Тимоха тоже выжидающе глядел на брата. Ведь уйдут конокрады, и тогда нам не видать лошадей, а не мы ли так мечтали о них? Не мы ли даже во снах их видели?

Кони – это ведь свобода и ощущение полета, хлесткие гривы в лицо, а также копыта, отбивающие ритм галопа, и неведомое чувство движения, не касаясь земли.

– Так говоришь, эти злодеи Амур собрались перейти? – наконец прервав молчание, спросил Митяя Петр.

– Да там, аккурат напротив Демидовской косы...

– Версты две, однако, отсюда... – вздохнул Петр. – Дальше можем и не поспеть, да и неизвестно, сколь преступников будет. Ведь и прибить могут.

– Так мы отцов позовем! – нашелся кто-то из молодых казаков.

У Петьки в голове роились другие мысли. Отдавать победу старшим? Да ни за что на свете! Сами с усами – как-нибудь справимся. Главное – внезапно напасть на врага.

Молодой человек обвел взглядом товарищей, по-прежнему сидевших и во все глаза глядевших на вожака.

– Так, ребята... Бегите домой и берите с собой все, что сможете... Нам все сгодится – и палки, и топоры, и жерди, и колья... Собираемся за околком – у старой сосны.

Оставив девок у костра, парни бросились выполнять приказ вожака. Не все из них тогда пришли к старой сосне. Кого-то родители домой загнали, а кто-то и просто струхнул, хотя десятка два смельчаков все же набралось.

– Товарищи мои... Давайте помолимся на удачу... – предложил Петр.

Те притихли, и было слышно в темноте, как шелестят в молитве их губы.

– Все, вперед, на дело! – положив тяжелую палку на плечо, сказал Петр. – Я пойду первым, и остальные по одному за мной... Ни звука! Иначе... – он перевел дыхание. – Иначе недобрые люди нас услышат и всех порубят. Ступайте тихо.

Они двинулись в путь.

Где-то далеко-далеко впереди догорал день, пылая верхушками сопков, отчего небо в той стороне оставалось еще живым и прозрачным, тогда как на востоке ночь осенила поля и зажгла звезды. Вот так, идешь на свет, неведомо на что ступая в темноте.

Пройдя с полверсты, они свернули и стали пробираться лесом. В лесу как-то спокойнее. Тут и деревья тебе, и кустарники – есть, где спрятаться.

Тишина... Лишь изредка где-то вдалеке прострекочет кузнечик или хлопнет крыльями ночная птица. Осторожно ступали по земле молодые казаки. Не в игры идут играть. Бывало, треснет под ногами сухая ветка или что-то живое зашевелится в кустах – тут же сердце замирало. Чем дальше, тем больше страхов. То им уже кажется, кто-то следит за ними, то вдруг в темноте казакам почудится чья-то тень. Уж поскорее б добраться до места!

Где-то совсем близко, пробиваясь через песчаные косы, угрюмо нес свои бурые воды Амур. Стоит выйти из лесочка и пройти чистым полем – и вот он, берег. Где-то Демидовская коса...

– Все, стой! – наконец поднял руку Петр. – Теперь ложитесь все на землю... Дальше нужно пробираться ползком до самого берега.

Парень первым лег на землю и пополз, и остальные двинулись за ним. Чуть слышно шевелилась трава. Рядом будешь стоять – не увидишь. Так и ползли, пока не достигли берега. Внизу, в закатном свете, хорошо просматривалась Демидовская коса. Казаки затаились, стали ждать.

Ждали долго, пока вдруг не услышали в стороне какой-то неясный шум. Кто-то пытался идти осторожно, но это не всегда получалось. Отсюда и эти нечаянные звуки, похожие на удары прикладов о землю, скрежет железа и конский хrap.

«Видно, дружки конокрадов, – подумал Петр. – Дозорные так не ходят... Пришли, окаянные, своим помочь...»

Скоро на поляну вышли какие-то люди. Одни были пешие, а другие сидели на лошадях. Их силуэты хорошо прорисовывались на фоне закатного неба.

Человек шесть – не меньше, отметил про себя Петр. Где же дозорные? Почему их нет на месте?.. Неужели хорунжий Верига с ними заодно?

– Ребята! – шептал в темноту Петр. – Слушайте меня! Надо незаметно подползти к этой подорожной вольнице и напасть на них скопом. Давайте, десять человек, дуйте за Тимохой. Зайдете с другой стороны и подадите знак.

– Я крикну по-утячи, – взволнованно сказал Тимоха.

– Пойдет!.. Я крикну два раза, и тогда всем скопом бросаемся на них. Ты со своими, я со своими...

– Бить-то как? До смерти? – наивно спросил рыжий Митяй.

– До смерти! Иначе сами ляжем здесь же, на берегу. Все... Тимоха, веди людей, – твердо ответил вожак.

Зашевелилась трава, и вот уже половина Петрухиной дружины исчезла в ночи.

– Надо и нам подползти поближе, – обратился к оставшимся Петр и, ухватившись поудобнее за рукоять топора, первым пополз вперед.

Так они продвинулись саженой на десять. Дальше опасно, решил Петр. Там уже до врага рукой подать. Вон они, окаянные, сбились в кучу и о чем-то совещаются. Сейчас бы и напасть на них, но по уговору нужно ждать Тимохиного знака.

Минуты ожидания... Сердце в груди у Петра бьется так громко, что, кажется, и враги его слышат. Где же ты там, братуха? Отчего молчишь?

Неожиданно в ночи прозвучал утиный крик.

– Братцы, готовься к бою... – чуть дрогнувшим голосом произнес вожак. – Чтоб все тихо было, а не то беглые каторжники на том берегу услышат шум и сбегут с лошадьми.

Он сложил вместе ладони и два раза крикнул в темноту.

– Все за мной! – скомандовал Петр и, пригнувшись к земле, устремился вперед. Все последовали за ним.

Застигнутые врасплох каторжане даже ахнуть не успели, как оказались на земле, порубленные топорами, причем в живых вообще никого не оставили. Позже Петр сам удивлялся, насколько у них все ловко вышло. Вроде и опыта не было, а поди ж ты – сражались как заправские бойцы. И не знал Петр, что всех их вел страх, всесильная, могучая боязнь, способная рушить даже горы. Тут ведь как: или пан, или пропал...

Покончив со злодеями, казацкие дети отвели трофейных лошадок в тень и, привязав их к старой корявой лозе, вернулись на берег. Теперь они ждали гостей из-за Амура.

Куда мы целый табун денем? – думал Петр. Может, стоит загнать его конским барышником? Тогда и деньга появится, ведь парень давно мечтал купить дорогой подарок своей Любашке...

Впрочем, здравый смысл в нем взял верх. Нужно безлошадным казакам раздать коней, решил он. Казак на коне – не пеший, а в войске постоянно не хватает лошадок...

Ждать пришлось долго, но вот на той стороне вдруг замелькали какие-то тени. Следом на берег выскочили из темноты три всадника. Они постояли какое-то время – видно, прислушивались, а может, ждали сигнала? Если так, подумал Петр, то все пропало. Ведь ни он, ни его товарищи не понимают знаков. Эх, надо было хоть одного варвара оставить в живых, но кто же знал?..

На свой страх и риск молодой человек взял и крикнул уткой. Всадники на той стороне еще немного потоптались на месте, а потом скрылись в черной полосе прибрежной кустарниковой ивы.

«Вижу, не удалось мне провести конокрадов, а ведь счастье само шло к нам в руки...» – огорченно подумал Петр.

Впрочем, не прошло и пяти минут, как на берегу снова показались всадники, впереди которых покорно двигался небольшой табун лошадей. Вот кони немного потоптались на месте, не решаясь ступить в воду... Хлесткий звук плети, и те с испугом бросились в реку и поплыли. Их задранные кверху морды хорошо виднелись на зеркальной глади реки, освещенной закатными лучами солнца.

– Братцы! Давайте встретим этих воров! – негромко произнес Петр, и лежавшие в траве товарищи крепче сжали в руках рожны и топоры.

Кони плыли по реке, фыркали, пытались справиться с течением. Их не менее дюжины. Где-то рядом – погонщики. Для них сейчас главное – не растерять лошадей, потому они даже в воде пытались работать плетьюми.

Вот и коса. Выбравшись на отмель, кони, подгоняемые погонщиками, устремились к высокому берегу.

– Тимоха! Ты со своими ребятами займись конягами, а мы вдарим по ворам! – велел Петр брату. – Их, кажется, немного...

– Да пятеро их, пятеро. Я уже сосчитал, – шептал в темноте Митяй.

Теперь они ждали, когда лошади поднимутся на высокий берег.

Снова бешено забилося Петрухино сердце. Вот-вот выскочит из груди...

– Вперед, братишки! – дождавшись, когда последняя лошадка поднимется наверх, командовал Петр и сам повел товарищей в бой.

Окруженные со всех сторон преступники пытались прорвать кольцо, но всякий раз нападывались на выставленные вилы, а то попадали под тяжеленные палки. В конце концов сбросили с коней четверых, а вот пятому удалось улизнуть. Пометавшись в кольце, он вдруг с силой стегнул свою лошадку, и она пролетела над головами молодых казаков, убегая в ночь.

– Черт, ушел! – выругался Тимоха.

– Полно, брат! Пусть себе живет. Може, когда еще встретимся... – хлопнул его по плечу Петр.

Назад молодые люди возвращались верхом, разгоряченные и довольные собой. Сколько разговору-то! Каждый старался похвастать перед товарищами своей удалейю.

– Ребята! Кто теперь оспорит наше звание казаков? – важно проговорил Петр.

– Пусть только попробуют!.. Да мы... Да мы... – подняли вверх носы парни.

– Пора к атаману идти, в войско проситься! Нас все за каких-то слепых котят держат, – сказал Костка Болото.

– Точно! – бодро поддержали его товарищи.

«Пойдем», – ласково потрепав за гриву мохнатую даурскую лошадку, подумал Петруха. Теперь у него и конь есть, и трофейная сабеля, висевшая на боку в тяжелых ножнах и гревшая ему душу. Все это он не где-то украл, а добыл в бою. Выходит, они и впрямь с товарищами настоящие казаки. Если так, то самое время поступать на службу. Не век же бегать по улицам с разбитыми коленями...

4

...Июльская трепетная ночь, наполненная ароматом лесов и полей, звездами и летающими во тьме насекомыми. Осторожно ступали лошади по объезженной дороге. Казаки дремали в седле, покачиваясь в такт конскому шагу. Впереди всех – атаман со старшиной; за ними – крепко державший в руках войсковой штандарт Васюк Дрязгин. Тоже вроде впали в дрему, но это только так казалось. Ночь – как та роковая женщина. Расслабившись, не заметишь опасности. Поэтому атаман только симулировал дрему, а сам же напряженно вслушивался в тишину. Каждый шорох в темноте, каждый неясный звук привлекали его внимание. Не засада ли?..

Федор настороже. Чтобы не заснуть, он начал думать о Саньке.

Как же она хороша была в ту последнюю ночь! Так ласкала, так ласкала. Как в последний раз. Откуда столько страсти в этом крошечном теле? Хотя у азиатских женщин такие вещи в крови, потому они и считаются самыми лучшими любовницами в мире. Об этом Федор узнал еще на Дону, когда брал в наложницы персидских и турецких девиц. Поначалу брыкаются, как дикие козы, но потом привыкают, успокаиваются. Вот и азиатка Сан-Пин, когда-то походившая на нераспустившийся цветок лотоса, наконец-то привыкла к нему. Даже по имени стала ласково называть. «Федька, – иногда скажет, – ходи ко мне ночью – наласкаю». Его и просить не надо. Летел, как пчела на мед. Наталья мужу в ноги бросалась и молила, чтоб не уходил, но разве остановишь кобеля, по которому сохнет молодая сучка? Как только на дворе становилось темно, казак уходил, а женщина потом всю ночь рыдала в подушку, воображая, как в эту самую минуту азиатка ласкает ее мужа.

...Фыркал Киргиз, словно почуяв где-то рядом чужой дух, и земля дрожала от стука десятков копыт. «Широко поле каргайское, на нем много скота тараканского, один пастух, ровно ягодка...» – глядя на звездное небо, подумал Федор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.